

Федеральная просветительская газета

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 4 (6327) 2011

ДӨНЬЯСЫ



Академик
Руслан
Гринберг

с. 4



Ренат Акчурин

с. 3

К 125-летию
Габдуллы Тукая



с. 5-7, 10, 13-15



Мой отец
— Рустам
Утямышев

с. 8



Воспоминания
о З.Г.Ураксине

с. 12

Габдулла ТУКАЙ

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Стоит деревня наша на горке некрутой.
Родник с водой студеной от нас подать рукой.
Мне все вокруг отрадно, мне вкус воды знаком,
Люблю душой и телом я все в краю моем.

Здесь бог вдохнул мне душу, я свет увидел здесь,
Молитву из Корана впервые смог прочесть,
Впервые здесь услышал слова пророка я,
Судьбу его узнал я и путь тяжелый весь.

Мне памятни навеки события детских лет,
Нет времени счастливей, забав беспечней нет.
Я помню, как, бывало, по черной борозде
Шагал со старшим братом я за сохою вслед.

Я многое увижу - ведь жизнь еще длинна,
И ждет меня, наверно, дорога не одна.
Но только, где б я ни был и что б ни делал я,
Ты в памяти и сердце, родная сторона!

(1909)



Художник Ф.АМИНОВ. Тукай в Кырлае

Реджеп Тайип Эрдоган посетил Казанский федеральный университет

Впервые в истории в Казань приехал турецкий премьер-министр. Поскольку Турция – парламентская республика, то главную скрипку в государстве играет премьер. Во время визита он посетил Казанский федеральный университет.

Ректор КФУ Ильшат Гафуров приветствовал высокого гостя и Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова и рассказал о славной истории университета, об истории связей Татарстана и татар с Турци-

ей.

Реджеп Эрдоган выступил в привычной для себя свободной манере, без заранее подготовленных бумаг. Он рассказал об экономических отношениях с Россией и Татарстаном, о развитии Турции (ВВП за 8 лет вырос в 3 раза), о внешней политике страны. Он призвал не искать каких-то скрытых целей в активности Турции. «Спокойствие в соседних странах – на Кавказе, в Средней Азии принесет всем нам серьезное облегчение», – подчеркнул он.

Турецкий премьер также затронул тему татарско-турецких взаимоотношений, вспомнил татарских мыслителей – советников Ататюрка Садри Максуди и Юсуфа Акчуру. Рассказал о мероприятиях, посвященных Году Габдуллы Тукая в Турции. И прочитал на татарском несколько строк из самого знаменитого стихотворения Тукая, ставшего неофициальным гимном татарского народа, – «Туган тел». Зал встретил эти строчки долгими овациями.



КНИЖНАЯ НОВИНКА

В Издательском доме «Заман»...

Наша газета на страницах предыдущих номеров уже сообщала, что в культурной жизни татар Москвы состоялось долгожданное важное событие – начала свою просветительскую деятельность Издательский дом «Заман». Основателем и гостеприимным хозяином его является владелец крупного строительного холдинга ОАО «RCS» и инжиниринговой компании «Мособлспецстрой», уроженец деревни Нижний Наратбаш Буинского района Татарстана Рамиль Галимзянович Ахметов. Издательский дом планирует восполнить острую нехватку татарских книг, вести целенаправленную просветительскую деятельность по пропаганде лучших образцов мировой и российской литературы, и в частности восточной и татарской классики. Первым подарком для читателей явилась сборник «Рубайи» поэта всех времен и народов Омара Хайяма.



Не заставила себя долго ждать и вторая книга – буквально в последние дни увидела свет избранная любовная лирика выдающегося татарского поэта Габделжаббара Кандалы (1797-1862гг.). В свое

время в татарском мире произведения Г.Кандалы пользовались огромной популярностью и всенародной любовью. Его рукописи передавались из рук в руки, их переписывали и посылали своим возлюбленным молодые люди. Стихотворения поэта были распространены во всех уголках страны и мира, где проживали представители татарского народа. Уникальный по содержанию и оформлению новый сборник подготовлен к печати редактором книги и автором вступительного слова Ринатом Мухамадиевым. Каждая страница новой книги на татарском языке, в лучших традициях востока, оформлена татарским национальным орнаментом и оригинальными рисунками современных художников.

В настоящее время, как нам стало известно, Издательский дом «Заман» готовит к печати следующее сувенирное издание: «Пословицы и поговорки татарского народа».

МОСКВА

В Культурном центре «Дом на Патриарших» в рамках кинопроекта «17 мгновений кино. Фестивальные фильмы России» состоялся показ документально-постановочного фильма «Тукай» режиссера Марата Ганиева. Фильм посвящен 125-летию со дня рождения татарского поэта Габдуллы Тукая, переведен на русский и английский языки. Мероприятие прошло при поддержке полпреда РТ в РФ.

Картина «Тукай» создана группой компаний «Мастер» при поддержке Фонда сохранения и развития культурных традиций Татарстана «Вамин». В фильме отражен путь формирования мировоззрения и поэтического дара великого поэта. В нем Габдулла Тукай представлен человеком с нелегкой судьбой, исканиями и потерями. Но вместе с тем поэт предстает перед зрителями ярким символом татарского народа, неиссякаемым источником народной души и вдохновения.

Работа над картиной съемочной группой велась в Казани, Санкт-Петербурге, Уральске и Арском районе Татарстана. «Мы хотели снять современную картину о великом татарском поэте, которая достойно представила бы нас и на международном уровне. Картина показывает Тукай с разных сторон: как поэта и как трагическую личность», – отметил режиссер Марат Ганиев.

Показом фильма «Тукай» «Дом на Патриарших» начал цикл тематических вечеров, посвященных юбилею поэта. Москвичей в ближайшее время ждут встречи с участием творческой интеллигенции и исследователей творчества поэта.

Отметим, что старт проекту «17 мгновений кино» был дан 25 января 2011 года кинопоказом фильма «Бибинур». Он был снят в 2009 году режиссером Юрием Фетингом. В основу сценария легла повесть «Три аршина земли» (1963 г.) татарского писателя Аяза Гилязова. В рамках данного проекта планируется показывать художественные, документальные и анимационные фильмы, снятые талантливыми и самобытными режиссерами из разных регионов России.



НИЖНЕКАМСК

В Нижнекамске состоялся второй международный отборочный турнир «Алина» детского фестиваля художественной гимнастики, который проводит Благотворительный фонд депутата Госдумы Алины Кабаевой. В турнире приняло участие более 40 команд и 400 гимнасток из России, Азербайджана, Казахстана и других стран.

Победителем турнира стала команда СДЮСШОР «Приволжанка» из Казани. Второе место поделили команда «Звенигородочка» из Звенигорода и команда спортивного комплекса «Нефтехимик» из Нижнекамска. Третье место досталось сборной команде Ростовской области.

Также были объявлены призеры в 6 номинациях – «За оригинальную идею номера», «За лучшие костюмы», «За артистизм и выразительность», «Приз главного судьи соревнований», «Приз зрительских симпатий» и «Приз «Надежда турнира».

В качестве судей приняли участие известные спортсмены и тренеры, заслуженные мастера спорта по художественной гимнастике Вера Сесина, Зарина Гизикова, Евгения Павлина, Яна Батыршина, Наталия Липковская, Елена Коробова, Лилия Шафеева, Елена Шаламова, Ирина Зильдер и Екатерина Сиротина.

Елизавета Овчинникова

ИВАНОВО

Четвертый год в г. Иваново проходит ученическая научно-практическая конференция. В этом году она была приурочена ко Дню родного языка и посвящена юбилею Габдуллы Тукая. Круг интересов юных авторов оказался очень многообразным и широким. Ребята с честью справились с поставленными задачами, и их работы были опубликованы в сборнике «Родной язык, святой язык, отца и матери языки...»

Статья ученицы 8 класса Салахутдиновой Альмиры «Традиции, культура, обычаи татарской семьи», посвящена семейным традициям татар. По признанию Альмиры, ее внимание к этой теме вызвано «большим интересом к татарской культуре, татарскому языку и, в частности, вопросам воспитания в татарских семьях».

Хасаншин Вагиз, ученик 6-го класса из г. Кинешмы сумел выстроить свою гипотезу происхождения его фамилии.

Серьезное внимание представляет исследование ученика 9-го класса Хозина Ильдара, посвященное словам Тукая «И туган тел, и матур тел, эткәм-энкәмнән теле». «Эту песню поют непременно стоя, и по велению сердца», – пишет он. – Это символизирует духовное единение моих соотечественников, которых судьба разбросала не только по России, но и далеко за ее пределами».

Тапаева Хатима

ПИАНИСТ РИНАТ ШАКИРОВ

Пристальное внимание к различным краскам фортепианного тембра, тонкое вслушивание в каждый голос музыкальной фактуры, тщательно продуманная драматургия произведения убеждают слушателя в принадлежности Рината Шакирова к немногочисленной когорте музыкантов редкого дарования. Его исполнение всегда передает тончайшие изменения состояния души музыканта, ее самые неожиданные устремления.

Фундаментальное образование, полученное в Санкт-Петербургской и Московской консерваториях (класс профессора Станислава Иголинского и профессора Льва Власенко), наполнили музыканта познаниями развития мирового исполнительского искусства. Воздействие пианиста на чувства и умы зрителей – слушателей основано на его глубоком познании философии, поэзии, технических и естественных наук, гармонично сочетающемся с огромной трудоспособностью и жадой профессионального и общечеловеческого самосовершенствования.

Ринат Шакиров – родился в 1962 году в г. Ка-

раганде. Лауреат всероссийских и международных конкурсов. Участник международных музыкальных фестивалей – «Geteborg – Art – Sound», «Европа – Азия», «Петербургская музыкальная весна», «Другое пространство», «Японская весна в Петербурге». Выступал с концертами в Бельгии, Германии, Италии, Финляндии, Франции, Швеции. Имеет записи на радио России, Государственном радио Татарстана и Казахстана, шести компакт-дисков. Он член правления Союза концертных деятелей Санкт-Петербурга, доцент кафедры фортепиано СПб ГУКИ, член оргкомитетов и жюри пяти международных и всероссийских фестивалей и конкурсов, художественный руководитель фестиваля «Имена Петербурга». Заслуженный артист Российской Федерации. Народный артист Республики Татарстан.

12 апреля 2011 года в Большом зале Московского Дома композиторов состоится вечер фортепианной музыки Рината Шакирова.

Свои концерты, где бы они ни проходили, Р.Шакиров стремится превратить в праздник, на котором каждый пришедший смог бы ощутить себя единым целым со звучащей музыкой и находящимся на сцене музыкантом.

Андрей Петров, народный артист СССР

Исполнение Рината Шакирова отличается удивительной искренностью, которую всегда безошибочно улавливают чуткие любители музыки. Он прежде всего лирик – качество, доступное немногим. Думается, что в лирическом даровании Шакирова кроется и природа его звука.

Будучи уже зрелым мастером, он не устает учиться и расти. Я слушаю его уже несколько лет и поражаюсь этому постоянному росту. О Шакирове можно говорить как о состоявшемся мастере. Но чувствуется и то, что у этого музыканта большое будущее.

Андрей Фролов, композитор





«Знаете, какое сильное у человека сердце? – сказал после проведенной уникальной операции на сердце известный на весь мир кардиохирург Ренат Акчуринов. – Удержать в руках его невозможно». Сказал так обыденно, будто речь шла не о человеческом живом органе, а о каком-то предмете. К счастью, я никогда не держала в руках сердце – мне хватило постоять на операции рядом с гениальным хирургом и увидеть процесс спасения безнадежной больной, у которой другого шанса выжить, чем «гибридная операция», не было. Я видела лишь краешек сокращающегося сердца. И вслушивалась в тихие, но четкие команды маэстро: «снижаем давление», «отсос», «дайте верхний свет»... И кожей чувствовала напряжение момента, о чем позже скажет Ренат Сулейманович:

– Вы заметили, что сама установка аортального клапана занимает не более одной минуты?.. Но готовимся к ней минут 40: отмывается клапан (он сделан из бычьего сердца и поступает к нам в консерванте); затем его надевают на специальный катетер, чтобы при доставке к месту установки не повредить функцию сердца. Мне подают клапан, в сжатом виде я его ввожу в артерию, выхожу на уровень установки, раздуваю его. И всё. Изношенный клапан заменен на новый. Сердце начинает работать в норме как здоровое. Процедура хотя и длится всего час, она очень напряженная. Все, что вы видели на операции, – надводная часть айсберга. А до этого мы тщательно обследуем больного, выявляем противопоказания к операции, четко просчитываем все возможные плюсы и минусы.

Речь – о пожилых пациентах, кому далеко за 70 лет, с критическим аортальным стенозом (заболевание одного из главных клапанов сердца). У таких больных аортальный клапан весь обрастает кальцием, остается лишь маленькое отверстие. Через эту щель сердце и должно проталкивать кровь. В результате многолетней борьбы сердечная мышца становится в несколько раз толще нормы. И в один прекрасный момент возникает отек легких, больной погибает. Единственный выход – заменить изношенный клапан на новый. Раньше это делалось открытым способом – разрезалась грудная клетка, операция крайне травматичная. Не все пациенты могут ее перенести, особенно больные преклонного возраста, имеющие серьезные сопутствующие заболевания (диабет, предвещающее шунтирование, лучевая терапия, почечная недостаточность). Единственный шанс спасения – «гибридная операция». Технология позволяет без большого разреза подобраться к сердцу двумя путями: через паховую вену и через маленький разрез в межреберье. При точном расчете это превращается в процедуру типа коронарографии. Если все пройдет нормально, пациент может выписаться через 2-3 дня.

– Каковы гарантии и погрешности метода? И почему операция названа «гибридной»?

– Гарантия клапана – 15-20 лет! Учитывая возраст пациентов, он прослужит до естественного конца их жизни. Таких больных в России очень много. И к великому сожалению, помочь им другим способом нельзя – будет высокая смертность. Смертность же при этом методе не превышает 2%. (К сожалению, мы потеряли двух больных, думаю, потому, что недооценили тяжесть их состояния). Но если бы снова встал вопрос об операции, я бы предложил этот метод, поскольку другого выхода для этих больных

Известному кардиохирургу, президенту Некоммерческого партнерства «Ватаным», председателю редакционного совета Федеральной просветительской газеты «Татарский мир» Ренату Сулеймановичу Акчуринову 65 лет. От имени многочисленных читателей нашей газеты искренне поздравляем его с Днем рождения, желаем крепкого здоровья и достижения новых высот в служении Отчизне и родному народу.

ПО ИМЕНИ АКУРИН

нет. Если им делать операции открытым способом, половина из них погибнет из-за сопутствующих заболеваний. А гибридным этот метод назван потому, что в одной операционной собираются специалисты разных и даже противоположных, казалось бы, профессий. Бригада состоит из 7 человек: 2 кардиохирурга, 2 хирурга, причем один из них – рентгенэндоваскулярный хирург, 1 анестезиолог, старшая операционная сестра, которая готовит всю систему для операции. Каждое мнение учитывается, но последнее слово – за оперирующим хирургом.

– Как давно эти клапаны имплантируют в мире? Метод – абсолютное импортное ноу-хау или, как всегда, вначале он был изобретен в России?

– Действительно, Россия одна из первых еще в 30-е годы начала использовать ткани человека и животных в качестве заместительной хирургии для лечения больных. Но сама технология доставки искусственного клапана к сердцу – новая, суперсовременная методика. Первым такой клапан установил пионер в кардиологии доктор Кребье во Франции. А на поток эти операции поставили немцы. Сегодня «гибридные операции» делают не только во Франции, Италии, Бельгии, но даже в некоторых бывших странах СЭВ, теперь и в России. Американцы только только начали выполнять такие операции в нескольких клиниках – у них очень трудно пройти разрешительные ступени. Мы два года назад начали устанавливать различные эндопротезы. И уже сделали 25 операций. Операции дорогостоящие, стоят более миллиона рублей. Но ни один больной не заплатил за операцию ни копейки. Пока мы сами добываем спонсорские деньги, ходим с протянутой рукой. Лично я просил у некоторых. Очень трудно найти средства, а государство пока эту программу не финансирует.

– Значит, перспективы у этого прекрасного метода туманны?

– Думаю, Минздравсоцразвития РФ рано или поздно примет решение о том, что такие операции необходимо финансировать. Государство должно позаботиться не только о пенсиях пожилым, но и о медицинских гарантиях. Такого рода операции дадут и нам шанс как можно дольше общаться со своими стариками, продлить им жизнь. Вот это самое главное, мне кажется. Но если вести речь о процессе лечения, то данная технология самая продвинутая. Таким способом мы не только аортальные клапаны меняем, но и устраняем аневризму. Если оперировать аневризму традиционно, потребуются большие разрезы, она будет травматичной для человека. Теперь через паховую вену можем закрыть большую аневризму – для этого есть и специальный эндопротез. Кстати, разработана эта технология советским хирургом, который живет сейчас в Харькове. И впервые апробировали ее в клинике в начале 70-х годов. Потом эту технологию подхватили во всем мире. Теперь эндопротезы из-за границы вернулись к нам, но очень дорогими по стоимости.

– Реально ли производство биологических аортальных клапанов в России?

– Во-первых, западные производители вряд ли разрешат это делать. Во-вторых, и разработка технологии, которая бы удовлетворяла всем сертификационным требованиям (оборудование, материал, производство клапанов), потребует мно-

го времени. Пока проще все это закупать. Минздравсоцразвития России хорошо знает о проблемах россиян преклонного возраста. Но я бы еще раз подумал о том, как дать им хорошую высокотехнологичную медицину. По-другому многие пациенты с больным сердцем, имеющие массу сопутствующих заболеваний, просто не выживут. Нужна госпрограмма применения в России «гибридных операций». По этому поводу в Минздрав нами направлены письма. Ждем результатов. Прошел год. Реакции пока никакой.

– И когда могут стать на поток «гибридные операции» по установлению «бычьих» аортальных клапанов?

– Как только будет принято решение об их финансировании по специальным показаниям для определенной категории больных. Совсем не нужно, чтобы такие операции делали все 60 имеющихся в России медицинских центров. Нужно вы-

бы спасти. Это минимум. Если существует презумпция невиновности высокопрофессионального врача, то половину больных в России сегодня при нормальном подходе к здравоохранению можно было бы спасти. К сожалению, врачи рядовых клиник очень слабо оснащены оборудованием для этого. Совсем не так, как даже наш центр. И уж совсем не так, как новые федеральные высокотехнологичные центры, построенные недавно в России. Я составлял спецификацию для таких центров, открытых в Пензе, Астрахани, и знаю: они потрясающе оснащены. Таких центров в России, к сожалению, единицы.

– Но за период действия программы «Нацздоровье» должны быть построены 15 таких центров, на сегодняшний день введены, по-моему, 4. Программа закончена, а где центры?

– Это тоже вопрос госконтроля. Хватит обещать: «Мы будем строго следить за расходованием отпущенных на медицину госсредств». Уже налицо предмет для такого контроля. Кто-то должен ответить и за непостроенные федеральные центры, в том числе. Если государство выделяет огромные деньги на здравоохранение, оно должно обеспечить самый жесткий контроль за их использованием. Сегодня же часто происходит так: за покупку ангиографической установки – сотни тысяч отката чиновникам; за компьютерный томограф – миллионные откаты, а за аппарат с робототехникой – просто откатища. В бытность президента Ельцина для операции на сосудах впервые в России был закуплен робот «Зевс». За него заплатили 4 млн. 500 тыс. долларов. Когда услышал эту цену, чуть со стула не упал: за неделю до этого я был в Голландии и знал, что робот этот стоит всего 1 млн. 150 тыс. долларов. Значит 3 млн. долларов (!) кто-то получил вовсе не для медицинских целей. И мы никогда не узнаем, сколько за эти деньги можно было спасти жизней россиян.

Еще меня удивляет, когда клиники и мамы больных раком детей с протянутой рукой собирают деньги на то, чтобы отправить больного ребенка на лечение за границу. Это же нонсенс! Да таких больных успешно можно лечить у нас в России. На худой конец, значительно дешевле пригласить сюда хирурга из-за рубежа и сделать операцию в России. Меня умиляют также люди, которые приходят к руководству страны и говорят, что в отдельно взятом районе в среднем удлинит жизнь россиян до 70 лет. Это нереально. Здравоохранение в России должно поставить себе задачу: выйти на такой-то уровень затрат, например, в лечении сердечно-сосудистых заболеваний, что должны просчитать экономисты. Например, в результате внедрения новых операций за 3 года добиться снижения смертности у детей младшего возраста до такого-то уровня. Но такие задачи не ставятся. Вообще Минздрав соцразвития России должно быть самым богатым среди всех министерств России, если мы ставим перед собой задачу о продлении жизни человека, а не о сокращении популяции.

– Но вернемся к «гибридным технологиям». Почему у вас никто не аплодирует хирургу за успешно проведенную операцию, как, например, летчику во время приземления самолета?

– Я считаю, что это глупость. После операции я был мокрый насквозь, пришлось менять не только шапочку, но и всю одежду. Это нормально, это наша профессия. И я не считаю это подвигом. ...На операции присутствовали и зарубежные специалисты. Они высоко оценили профессионализм российских врачей. Ричард ЛЕВИ, профессор, хирург из Манчестера (Великобритания):

– «Гибридные операции» – новая технология, в Великобритании ее начали применять 5 лет назад. И уже сделали более тысячи таких операций. Из всех больных, страдающих аортальным стенозом, 25% подвергается этой процедуре. Население Великобритании – около 60 млн. человек, и в 17 медицинских центрах делают «гибридные операции». Погрешность – менее 1%. Без операции – риск 30% смертности, с операцией – 8%. То есть в разы меньше. Стоимость операции порядка 20 тысяч евро. Но пациент ничего не платит – государство берет на себя все расходы.

Я счастлив, что имею возможность присутствовать на операциях маэстро Акчурина. Безусловно, это один из самых известных хирургов в мире. И то, что я вижу на его операциях (это командная работа), – очень высокий профессионализм команды Акчурина.

Александра ЗИНОВЬЕВА

УНИКУМ

брать 5-6 и финансировать их именно по этому направлению. Так сделали, например, в Германии. Три года назад там профинансировали несколько клиник. И на сегодняшний день там сделано 8 тысяч таких операций, в Англии – более тысячи, в России – едва-едва 25. Мы даже не просим повысить за эти операции зарплату. Хотя ответственность возрастает невероятно: ты держишь в руках очень дорогостоящий расходный материал, благодаря которому человеку можно значительно продлить жизнь. Хотим лишь, чтобы нас снабжали биологическими клапанами. Вот и все. Наш центр для Минздравсоцразвития РФ может стать своеобразным полигоном.

– Ренат Сулейманович, что еще из высоких технологий для лечения сердца есть в России? Что применяется в мире, чего нет у нас? Предусмотрено ли место измученному российскому сердцу в «Сколково»?

– Биологический клапан, новая технология его установки, пожалуй, и есть самое высокое, что наработано сегодня для лечения сердца. Это гораздо выше, чем даже трансплантация сердца и пересадка легких. Технология при операции позволяет сохранять все внутренние структуры человека. А что касается «Сколково», мне неизвестно, какие цели там преследуют и насколько это будет отличаться от того, что сегодня делается в академических учреждениях. Может быть, всех ученых соберут под одну крышу? Как-то один из представителей «Единой России» сказал, что «у нас дефицит иностранных специалистов». Но вы дайте своим прекрасным хирургам работу! Финансируйте их в достаточном объеме, и у нас результаты операций будут ничуть не хуже, чем в Европе. Нас упрекают: «Вы не делаете пересадку сердца». Но в России нет закона о смерти человека, очень бедные реалии, хотя повсеместно они должны быть до зубов вооружены современными технологиями. Наши врачи могут спасти половину умирающих сегодня «от сердца» больных. Но очень многие доктора заранее знают, что вот этого больного они не спасут, т.к. нет доноров сердца. В России надо воспитывать человеческое мнение, что быть донором почетно.

– Но должны быть и законы, гарантирующие человеку, что его умышленно не разберут на «запчасти».

– Должна быть медицинская карточка, где человек сам нотариально высказает свое мнение на сей счет. Что он согласен быть донором, если возникнет катастрофа. Ему не обязательно уточнять, какую часть тела после его смерти использует медицина. Если мы хотим считать себя цивилизованной страной, нужно разрабатывать и соответствующие законы, где будет четко и жестко все прописано. И контролировать их соблюдение. В США, например, это давно уже есть.

– На два ближайших года на медицину из госбюджета отпущены 460 млрд. рублей. На ваш взгляд, сколько от этого огромного пирога надо «отщипнуть» на лечение сердца? Смертность от этого заболевания в нашей стране стоит на первом месте...

– «Отщипнуть» надо ту сумму, которая соответствует затратам на похороны. Понимаете? Сегодня Россия в год хоронит 1 млн. 100 тыс. человек. Из них 650-700 умирает от сердечно-сосудистых заболеваний, но половину из них можно было

Актуальные размышления

Кризис заставил все ведущие страны активно заняться хозяйством. Идет работа с инвестициями, укрепляется финансовый контроль, президенты Б. Обама и Н. Саркози выступают с блестящими речами о новой роли науки в посткризисные годы и подкрепляют их огромными дополнительными вливаниями в отечественные НИОКР.

Не изменяет себе только Россия.

Под грохот «модернизационной» риторики мы внезапно втянулись в тягучую муть застоя. Второй раз на памяти живущего поколения. Самое время поразмышлять об особенностях застоя «брежневского», о том, что ему предшествовало, и почему он случился, а также об отличиях нынешнего «периода стабильности» от 70-х годов.

Накануне брежневской эпохи в стране возник небывалый дотолерантный энтузиазм по поводу вдруг открывшейся возможности – построить социализм с подлинной раскрепощенностью мысли и духа, с творческим запалом. Страх ушел в период «оттепели»: Н. Хрущев, я думаю, сумел уловить настроения людей, жаждавших не только справедливости, но и свободы.

Пришла полоса «романтизма», в обществе поваял свежий ветерок. Люди, их лица стали другими. Время было удивительное. Литература, кино, театр – везде расцвет, весна. Непривычное ощущение открытости, массовый наплыв иностранцев, подоспевший в 1957 г. Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Все было ново, разжигало любопытство и воображение. Мощным катализатором ворвалась иностранная литература: Э.-М. Ремарк, Э. Хемингуэй – эти имена в значительной степени формировали мировоззренческие взгляды молодых интеллектуалов.

«Ожила» и обратная сторона той же медали. Наша культура, литература стали заметными участниками формирования международных и тем более внутренних общественных настроений. Для меня чрезвычайно значимыми оказались «Звездный билет» В. Аксенова, «...И комиссары в пыльных шлемах» Б. Окуджава, «Убереги Ленина с денег...» А. Вознесенского.

Может показаться странным, но в те годы чистоган, деньги презирались, как и вообще мешанские интересы, – все эти безобидные, в общем, но «мешавшие» новому оптимизму строителей, несомненно, успешно и небывало будущего слоники, занавесочки... И жизнь на самом деле менялась: мы выходили из бараклов, мы смотрели фильмы итальянского неореализма, наш строй становился все более социальным. Бурно развивался тот слой, который мы называли бы, по представлениям того времени, «средним классом»: квалифицированные рабочие и инженеры, конструкторы и учителя, геологи и летчики, врачи и ученые. Интеллигенция – «обычная» интеллигенция, устремленная в творчество, становилась героем и кино, и стихов, и каждодневных разговоров. И мечтаний тоже. Тотальное желание молодых стать космонавтами было символом эпохи, нацеленной к прорыву в неизведанное. Сейчас кажется удивительным: полет Ю. Гагарина по-настоящему стал для всех нас одним из самых счастливых дней. По радостным переживаниям он был сопоставим разве только с Днем победы в 1945-м...

Возникло общее ощущение, даже уверенность, что строится социализм с человеческим лицом. И когда сегодня говорят, что в это «строительство коммунизма» народ якобы не верил, – это неправда. Да, и интеллигенты, и «рабочий класс» над этим подтрунивали. Но посмеивались «по-домашнему» беззлобно – над сроками, над их неуклюжей бюрократической конкретностью. Сейчас говорят, что народ рвался в капитализм, а начальство не пускало. Но такого вовсе не было. И в предзастойный период, и после застоя, в начале перестройки, у народа не появлялось мысли освободиться от социализма, было желание сделать его человеческим, приспособленным к жизни.

Но смена курсов, руководства, политики почему-то гасила настрой массового воодушевления. Мы начинали в 1961 г., да и в более ранние годы, с поразительного ощущения: нам повезло, что мы родились в такой стране! Что не в Америке или Африке! А вот через семь лет, в 1968 г., многие уже задавали себе вопрос: «За что нам так не повезло – жить в этой стране?».

Застой стал прологом того, что в конечном счете привело к разрушению советской системы. Но заме-

Руслан Гринберг, директор Института экономики РАН

Мировой кризис и новый застой

26 февраля с.г. академик Международной академии менеджмента, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН (с 2006 г.), главный редактор журнала «Мир перемен» Руслан Семёнович Гринберг отметил свое 65-летие.

Профессор Р.С. Гринберг – один из разработчиков оригинальной научной концепции экономической социодинамики – нового направления в экономической теории. Он учёный секретарь отделения общественных наук РАН, председатель экспертной комиссии Торгово-промышленной палаты РФ, член экспертной комиссии Министерства экономики РФ, инициатор и активный член Российско-американской группы экономических преобразований.

Руслан Семенович автор свыше 200 статей и полдюжины монографий по проблемам современной экономической жизни России, один из самых востребованных экономистов страны, активный участник многих международных экономических конференций – от Сингапура до Вашингтона. Круг его научных интересов – теория и практика системных преобразований, формирование частного сектора в экономике постсоциалистических стран, современные тенденции в развитии теневой экономики и организованной преступности. А.С. Гринберг автор интересной научно-популярной книги «Рациональное поведение государства».

Руслан Семёнович является хорошим другом академика Роберта Нигматулина, через которого я и познакомился с ним пять лет тому назад. Иногда заглядываю к нему в кабинет на четвертом этаже по мере служебной необходимости или на пару минут просто так. Однажды он мне сказал, что отец его – еврей, а мать – татарка. В этой связи я пошутил и сказал, что он может внести свой вклад не только в европейскую экономическую науку, но и филологию Евросоюза, добавив туда ещё одно новое слово – евротатарин. Он с удовольствием посмеялся и проявил живой интерес к истории и происхождению татарского этноса, попросил меня ознакомиться с новинками по этой тематике.

Я выполнил свое обещание и передал ему несколько новых публикаций по этой теме и в том числе свою статью, опубликованную в «НГ-Наука» под названием «Кто расшифрует татарский след?». Накануне своего юбилея Р.С. Гринберг передал редакции газеты «Татарский мир» свою новую статью, что с большим удовольствием я сегодня предлагаю нашим читателям.

Юлдуз Халиуллин,
член-корреспондент Международной экономической академии Евразии.

тим – ясна была цель, а пути и методы неведомы. Да и сам Н. Хрущев тормозил движение к свободе и демократии. Взять хотя бы известную историю с выставкой в Манеже. После снятия Н. Хрущева началась подспудная реабилитация И. Сталина. Была взята установка «на стабильность», и в результате все изменения априори оказывались контрпродуктивными. Атмосфера жизни стала сгущаться, возвращалось двоемыслие, жесткое усиление цензуры. Но в развитии творчества наблюдалась странная закономерность: чем жестче была диктатура, тем сильнее расцветали культура и искусство.

А теперь зададимся едва ли не главным вопросом: чем застой не устраивал большинство людей? Наша страна неоднородна, Москва и Ленинград очень сильно отличались и отличаются от остальной России. Экономика была распределительная, полстраны жили в малых городах и деревнях, а там вообще деньги были не слишком нужны. Но магазины Москвы и, скажем, Вены в конце 50-х – начале 60-х годов по набору продуктов мало чем различались.

Это не означало, что не было дефицита: директивная плановая система неизбежно его порождает. Централизованный план может работать, когда необходимо мобилизоваться и выжить. Но как только положение улучшается, и начинает расти разнообразие в потребностях, директивное планирование оказывается несостоятельным. Рынок, где цена играет и информационную, и стимулирующую функцию, гораздо быстрее реагирует на изменяющиеся индивидуальные запросы.

Чем разветвленной потребности, тем больше сбоев у плановой экономики. Рынок любит капризных, он навязывает капризы. План же – занудное постоянство, в

каком-то смысле «господство прошлого над будущим».

Между тем эти-то проблемы в период «застоя» не решались, что многие понимали и хотели изменить ситуацию, – но только ничего не меняя. И это главное в «застое»: симулирование развития, изменений, прогресса. Верхушка страны хотела и власть сохранить, и заинтересованность у «рядовых» граждан создать – для чего проводилось постоянное «вбрасывание» новшеств. Но поиски шли формально. Люди, однако, сразу все понимали, «по существу результатов».

Вот еще одно противоречие той системы: деньги в стране были разные. У граждан были рубли, которые мы формально могли потратить на что угодно, но этому мешал дефицит, а у предприятий были жесткие ограничения – на что и как можно потратить те или иные сум-

мы из того или иного целевого фонда... Все реформы 70-х годов были своего рода «симулякрами эпохи». Сейчас их не меньше, и получается – как при всяком повторе – фарс, карикатура.

Безусловно, ученые и раньше, и сейчас пытались и пытаются что-то сделать, посоветовать, но наши предложения оставались и остаются гласом

вопиющего в пустыне...

В настоящее время в России тоже застой. Но «стабильность» сейчас стала весьма специфической: сохранение себя во власти. Сегодняшний застой – это результат инфантильного, догматического действия властей и примитивизма мышления новоиспеченных «хозяев жизни», порожденных 90-ми годами прошлого века.

Что собственно тогда произошло? Крикливая часть наивной московской интеллигенции, которая оказалась приближена к власти в конце горбачевского – начале ельцинского периода, убедила народ, даже тех, кто не хотел рыночной «свободы», что разрушение Госплана обеспечит всем много разной колбасы. Крикуны не только плохо знали, о чем лепечут, но и не были знакомы с чувством ответственности. Не надо сбрасывать со счетов и влияние Запада. Перефразируя строку известного стихотворения, можно сказать: «Мы так вам верили, товарищ Запад, как, может быть, не верили себе». Сегодня не все помнят, что праволиберального советника российского правительства той эпохи Дж. Сакса тогда чуть ли не боготворили. А нас обводили вокруг пальца.

Однако спросим о важном: было ли в «том застое» что-то, чего не хотелось утрачивать, и чем он отличался от застоя нынешнего?

Надо признать: раньше, при всех недостатках, мы имели полный хозяйственный комплекс. Экономика не была демократической, но природа ее была социальной. И что очень важно: она устраивала людей. На всех не всегда хватало сосисок. Однако при этом были многие нужные продукты, голод и нищета не были спутниками «советского образа жизни».

Мы сегодня знаем, что социальная справедливость – это не равенство в нищете, а разумная мера дифференциации зажиточности. Да, талантливый менеджер, инженер, ученый должны жить лучше, чем бездельник. Но мы понимаем: люмпенизация миллионов людей, нищенские зарплаты учителей и других представителей «рядовой» интеллигенции при нарастающем слое долларовых миллиардеров – это путь не к стимулированию активного творческого труда, а к экономическому неэффективному и социально несправедливому типу общества. Самая главная трагедия сегодняшнего бытия – чудовищное расслоение, когда 10% живут нормально, а 70% – выживают. Государство хочет избавиться от социальных обязательств в науке, в образовании. Для нас это путь к научно-технической, социальной и экономической деградации, к утере нашего суверенитета. Вот и главный урок «застоя»: недопустимость утраты социальной ориентации экономики.

Другой важнейший вывод касается культуры: несмотря на почти всеохватывающее идеологическое давление, люди тогда жили в культурном диалоге. Это было высоким достижением всей советской эпохи, в первую очередь – «предзастойной», но и в брежневский период культура была очень значимым компонентом жизни советского человека. Сейчас по этому поводу заметна ностальгия.

Витрины «нового застоя» – намного красочнее, чем 40 лет назад, – и тем сильнее потрясает открывающаяся за ними пустота. Напомним: перестройка началась не из симпатий к капитализму, а от всеобщего равнодушия, воцарившегося в обстановке отсутствия живых идей и реального движения вперед. Но тогда было что перестраивать. К чему дело придет сейчас?





К столетию Габдуллы Тукая общественность республики начала готовиться за несколько лет до юбилея. В том числе и редакция журнала «Казан утлары». С 1984 года в течение трех лет в каждом номере журнала мы печатали материалы о Тукае, стараясь преподнести читателю что-нибудь свежее. Для этого я, как главный редактор журнала, обратился в союзы писателей союзных республик или в редакции

их литературных журналов с просьбой высказать свое отношение, прислать материал о великом поэте татарского народа. Статьи приходили, и мы их печатали с чувством благодарности к братским народам и литературам.

Однако произошел случай, который не дает мне покоя по сей день. Дело в том, что мы получили письмо из одной прибалтийской республики, в котором сообщалось, что по имеющимся у них переводам произведений Тукая на русский язык нельзя сказать, что он действительно велик, что Тукай им кажется обычным средним поэтом. Этот ответ, наверное, был искренним, честным, хотя и мог бы быть более тактичным. Он заставил меня еще глубже погрузиться в творческий мир Тукая, жить в его эпохе в качестве его коллеги, разговаривать с ним, спорить, задавать вопросы и получать, как мне кажется, исчерпывающие ответы.

Давайте подумаем: кого из себя объективно представляет Тукай? Он – деревенский юноша, паренек двадцати шести лет от роду. В царскосельском лицее, как Пушкин, или в университетах, как Лермонтов, Байрон, или, скажем, в благородном училище, как Бараташвили, не учился. В парижках-лондонах не бывал. В министерствах, иностранных миссиях, как Державин, Грибоедов, Тютчев, не служил, на полях сражений, как Петефи, Фучик и Джалиль, героизма не проявлял. Он не познал ни материнской, ни отцовской ласки, не успел стать ни мужем, ни отцом. У него никогда не было даже собственного дома. Но этот по современным меркам малообразованный юноша в двадцать лет дерзнул задать самому Всевышнему несколько таких вопросов, которые могут поставить в тупик и высоколобых философов современности:

**Почему же ты, боже, столь разными создал людей?
Почему я ничтожней ничтожнейшей**

твари твоей?..

Иль во мне и начало, и устье потока скорбей?..

Иль таит в себе ад эта жалкая связка костей?..

**Слышишь, господи? Я вопрошаю,
ответь мне скорей!..**

**Ибо разум мой темен, не может он
справиться с ней...**

Не в моей ли доле злосчастного мира исток?

**Не родиться бы вовсе – так было б,
пожалуй, умней...**

Перевод Р. Морана.

По глубине проникновения в суть явлений, по мастерству оформления мысли, особенно в оригинале стихотворения, Тукай предстает перед нами как высокообразованнейший, зрелый человек.

Стихотворение «Вопросы» по своей философской глубине, простоте изложения, высокому стилю, поэтическому накалу и страстности напоминает произведение не только древних гениев восточной поэзии, которые как-то были доступны Тукаю, но и гениальное стихотворение Гавриила Державина «Бог»:

**Твое создание я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа моей души и царь!**

Все мы хорошо знаем великолепное стихотворение гениального Лермонтова:

**Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда со звездою говорит.**

Этот непревзойденный образ космической тишины, созданный двадцатилетним Лермонтовым, завораживает, окрыляет фантазию, вдохновляет. К тому же в этом стихотворении Лермонтов на сто двадцать один год раньше Гагарина увидел: «спит земля в сиянье голубом».

Вот как выглядит подобный образ двадцатилетнего Тукая в переводе Анны Ахматовой:

**Свет вечерний тих и ласков, под луною все блестит,
Ветерок прохладный веет и ветвями шевелит.
Тишина кругом, и только мысли что-то шепчут мне,
Дрема мне глаза смыкает, сны витают в тишине...**

В этой тишине Лермонтов внимает Богу и слышит разговор звезд, а Тукай слышит, как сказано в оригинале, пение собственных мыслей и чтение ими чего-то. У Тукая космос в нем самом. Космос души поэта по своим масштабам ничуть не уступает вселенскому космосу.

**О, взойди, светило мысли! Туча, прочь уйди скорей!
Совесть мертвую, о солнце, оживи, лучом согрей!..
Мой светильник несравненный, драгоценная свеча!
Что мне светочи вселенной, если ты не дашь луча?**

Но самым ярким подтверждением вселенскости души Тукая, как мне кажется, являются строки стихотворения «Разбитая надежда»:

**Посчитав тесной клетку мира,
птица души вылетела из нее,
Хоть и создал Бог ее в радости,
но для вселенной чужой.**

Я цитировал Тукая в подстрочном переводе, так как в целом замечательный перевод Анны Ахматовой не

**Ренат ХАРИС, лауреат Государственной премии
Российской Федерации**

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ТУКАЯ

тождествен самым значительным, на мой взгляд, стихам оригинала:

**В клетке мира было тесно птице сердца моего;
Создал бог ее веселой, но мирской тцете чужой.**

Согласитесь, разница ощутимая. Тукай четко определяет понятие «дня» как мир людей, планету людей, общество со всеми его перипетиями, законами, пороками и достижениями. Именно этот социально-политический мир воспринимается птицей души поэта как тесная клетка. И она вылетает из нее в безграничную в своей чистоте, беспорочности божественную вселенную, но и там оказывается чужой, ненужной. Поэта в очередной раз посещает душераздирающая мысль:

**...О страдалица моя,
Миру чуждому зачем ты человека родила?**

В оригинале этот выстраданный одним человеком, но хранящий в себе общечеловеческую трагедию вопрос звучит космически: «Зачем ты произвела в семью вселенной чуждого человека?» Но почему он чуждый в этой, казалось бы, беспристрастной, свободной от мирской тцеты семье? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно провести специальное исследование всего творчества поэта. Когда двадцатитрехлетний Тукай писал вышеприведенные стихи, он наверняка ощущал себя частью великого космоса с его созвездиями, метеоритами, кометами, ибо его образный мир изобилует космическими объектами, звездными лучами, лунным сиянием... Давайте подумаем, какими же научными знаниями, какой силой фантазии, каким механизмом творчества, какой дисциплиной ума должен обладать человек, чтобы так пространно, свободно размышлять и писать подобные стихи. Согласитесь, случай этот – из ряда вон выходящий. Но выходящий куда, в какую сторону – в сторону наивности и случайности или в сторону осмысленности и детерминированности?! Неужели все это лишь результат случайных причудливых соединений фантазий, видений поэта? Нет и еще раз нет! У нас есть все основания квалифицировать это как встречу с огромным талантом, обладающим неограниченными интеллектуальными возможностями.

Может быть, Тукая посещали великие озарения, какие посещали Архимеда в ванной, Ньютона под яблоней? Но поэтические явления, подобные Державину, Пушкину, Байрону, Лермонтову, Бараташвили, Кандаль, Дардменду, Джалилю и, конечно же, Тукаю, невозможно объяснить только озарениями. Человек способен озаряться только в пределах своего интеллекта. В мгновения озаренности в его мозгу могут произойти неожиданные ассоциации, связи, спайки между полузабытыми знаниями, понятиями, в силу чего могут возникнуть яркие, емкие поэтические образы и метафоры. Например, стихи, вспыхнувшие от сияния зубов красавицы; или затеявшие между собой драку рука и разум; или стихи, лежащие ковром под ногами любимой; или душа, покинувшая тело и взявшая направление к своему повелителю; или ресницы, сомкнувшиеся перед любовью, чтоб никогда не открыться перед ней... Таких точных деталей, емких образов в оригиналах произведений Тукая множество. Но, к сожалению, в переводах они куда-то делись, унося с собой и осязательную часть поэтичности стихов.

Может быть, талант и его высшая степень – гениальность передались ему по наследству? Но наука до сих пор таких случаев не знает. Бесспорно, родители одарили Тукая значительными задатками к творческому мышлению. В богатый впечатлениями кырайский период жизни Габдуллы они развились и превратились в склонность сочинять литературные произведения. Еще более насыщенная как в образовательном, так и в общественном плане жизнь в Уральске превратила эту склонность в способность общаться с миром при помощи стихов. А в Казани возмужавший критический ум и обнаженные чувства Тукая сомкнулись, и он вспыхнул и засиял как творческая личность.

Это – внешние этапы становления Тукая как поэта. А в недрах этого пути с огромной скоростью шло интеллектуальное, психологическое, творческое, социально-политическое, личностное становление Тукая как гражданина и поэта. Тревожное, тяжелое детство, сопровождавшееся многократными отвержениями, унижениями в различных семьях, с резкими сменами радости и горя, сделало Тукая с малолетства сверхчувствительным к любым явлениям жизни. А общество постоянно атаковало его душу и мозг своими проблемами. Эти так называемые «мозговые атаки» возбуждали не только его творческую активность, но и жажду самосовершенствования. В результате Тукай, не обучаясь ни в каких институтах и университетах, стал высокообразованным, передовым человеком своего времени, хорошо знавшим не только родную культуру и литературу, но и русскую, персидскую, арабскую, турецкую литературы, четко ориентировавшимся в политике, экономике, педагогике, шариате. Его сердце, словно сейсмограф, чутко реагировало, мгновенно отзывалось на любое колебание души народа. Его интеллект мог разобораться в любых перипетиях общественной жизни и вынести свое суждение. Его любовь и ненависть стали умными. Огромный творческий талант и мощный гражданин слились воедино в человеке по имени Габдулла Тукаев, и появился великий поэт татарского народа Тукай.

Гете пишет, что национальный классический писатель появляется тогда, «когда в образе мыслей своих соотечественников он не видит недостатка в величии, равно как в их чувствах недостатка в глубине... когда он сам, проникнутый национальным духом, чувствует в себе благодаря врожденному гению способность сочувствовать прошедшему и настоящему; когда он знает свой народ на высоком уровне культуры и его собственное просвещение ему дается легко; когда он имеет перед собой много собранного материала, совершенных и несовершенных попыток своих предшественников и когда внешние и внутренние обстоятельства сочетаются так, что ему не приходится дорого платить за свое учение...» Эти слова, как мне кажется, наиболее точно объясняют талант и предназначение Тукая. Одним словом, Тукай родился в то время, когда татарский народ в своем развитии испытывал острую необходимость в гении, способном сконцентрировать в себе, в своем творчестве духовную энергию нескольких поколений, дать этой энергии новое, опережающее время перспективное направление.

Однако гениален ли Тукай? Похож ли он на персонажа его же стихотворения «Гению», принявшего блеск золота за сияние идеала и остановившегося на полпути? Конечно же, нет! А то, что он обладал гениальным поэтическим даром, – бесспорно! Но только этого недостаточно. Научные книги пишут, что «о наличии гениальности можно говорить лишь в случае достижения личностью таких результатов творческой деятельности, которые составляют эпоху в жизни общества, в развитии культуры». Творчество Тукая разве не соответствует такому определению?! Стихи Тукая, отдельные их строки уже много десятилетий являются формулами наших мыслей. Язык его творений лег в основу литературного языка татарского народа. Его произведения являются фундаментом нравственного, эстетического воспитания нескольких поколений не только татар, но многих тюркских народов мира и России.

До Тукая в татарской мифологии незаметно жило множество разных «абзар иясе», «урман иясе», «албасты» и т.д. Только двух из них – Шурале и Суанасы – коснулся гений Тукая, и они стали сказочными символами татарского менталитета. И в дотукаевской поэзии, и в последующей есть много стихов, которые и красивее, и более певучи, чем «Туган тел». Однако именно песня на стихи Тукая стала неофициальным гимном татарского народа.

Возвращаясь к письму, подвергавшему сомнению поэтическую высоту Тукая, хочу сказать, что гениальность личности трудно определяема поверхностным взглядом, ибо в необычайной простоте нелегко узреть глубокий смысл истории и культуры конкретного народа.

Величие поэта одного народа не может определяться сравнением его произведений с достижениями литературы других народов в силу тех же причин.

Но отрицание роли перевода на другой язык жемчужин национальной поэзии недопустимо ни при каких обстоятельствах, ибо это, в конечном итоге, скажется на имидже культуры целого народа. Почти все в культуре начинается с поэзии.

И в заключение хочу сказать, что дело перевода произведений Кандаль, Тукая, Джалиля, Такташа, Тугана, Хакима, Баттала и других выдающихся татарских поэтов, прозаиков, драматургов на иностранные языки сегодня нуждается в особом внимании со стороны государства. Это дело должно иметь статус государственной программы республики. Скорее всего, нам нужен специальный центр стратегических изданий.

Наше наследие

Творчество Тукая, его личность и эпоха в татарском литературоведении, в истории общественной и философской мысли освещены достаточно глубоко и разносторонне. Выполнением этой благородной, священной задачи занимались весьма серьезные и талантливые ученые. Целая плеяда выдающихся исследователей, среди которых Джамал Валиди, Хатип Усманов, Гали Халит, Якуб Агисhev, Ибрагим Нуруллин, Рафик Нафигов и Рустем Башкуров, посвятили свои жизни изучению творческого наследия Тукая. К этому списку нужно добавить имена литературоведов Резеды Ганиевой и Наипа Лаисова, издавших монографии о двух важных жанрах его поэзии: сатире и лирике.

Однако тайны творчества Тукая как великого художника безграничны, ибо он творил, находясь намного выше своей эпохи, и давал оценку общественным событиям и морали, как бы глядя из будущего. Поэтому не исчерпывается потребность в том, чтобы вновь и вновь осмысливать феномен Тукая, исследовать разные грани его творчества.

Тукай оставил огромное творческое наследие, самое большое важное место в котором занимает поэзия. Его поэтические произведения изучены обстоятельнее всего. Однако для углубления взгляда на эту область творчества Тукая необходимо обратиться к публицистике, прозе и особенно к его письмам.

Возьмем формулу общественно-политического идеала поэта, выраженного в его стихотворении «Не уйдем!»:

*Самая высокая цель наша – вольная страна,
свободная Россия!
Нас не просто сдвинуть отсюда, о черносотенная толпа.*
(Подстрочник автора)

Это – ответ Тукая на провокационную реплику черносотенцев вроде Пуришкевича в Государственной Думе России в адрес татарского народа. Причем это не голос, прозвучавший сгоряча, в пылу полемики. Он выражает истинную позицию татарского народа и его передовой интеллигенции. Строки эти сегодня так же актуальны и свидетельствуют о том, что он был истинным патриотом России.

Об этом свидетельствуют и первые же выступления Тукая в печати. Его статья о японской войне и ее ужасных последствиях «Война и Государственная Дума», опубликованная в 1906 году в журнале «Ал-гасрел джадид», поражает политической зрелостью и глубиной экономического мышления двадцатилетнего публициста. Он искренне негодует, что безответственные политики и алчные богачи нанесли большой урон России и русскому народу: «...купежились в золоте эти дикари обманом смогли столкнуться в войне 100-миллионную великую Россию с Японией». «Ныне можно встретить везде: в селах и городах безруких, безногих, оставшихся на всю жизнь калеками людей...» – горюет он. Поэт рассуждает как патриот России и как гуманист. Более понятным становится глубокий смысл его стихотворения «Пушкину»:

*Мастерством с тобой сравниться – нет счастливее удела,
Твоя вера, твои взгляды – да мое ли это дело?*
Перевод В. Валиевой

Поэт предстает перед нами интеллигентом и гражданином с широкими взглядами на мир, которому органически присущ интернационализм. Это отчетливо прослеживается в публицистике и письмах. В «Рассказе с печки» приводится беседа поэта с русским крестьянином, в которой Тукай ведет речь о важности для страны единства русских и татар. «Мы – русские и татары – как всегда, – пишет он, – живем дружно и честно ведем дела»,

К концу своей жизни Тукай, гениально обобщив историю русско-татарских отношений, так сформулировал с расчетом на века модель поведения для своего и русского народов:

*На земле России глубоки наши следы,
В ее истории мы – зеркало без единого пятна.
С русскими прожили мы, распевая песни,
Обмениваясь языком, словарем, обычаями и моралью...
Будет ли конец этому историческому единству? –
Мы рождены нанизанными на одну нить...
И этот народ не имеет права на равенство?
На общей родине много наших прав.*
(Подстрочник)



Нурмухаммет ХИСАМОВ,
доктор филологических наук, профессор

В сердцевине мыслей и чувств, касающихся русско-татарских взаимоотношений, находится забота об общественных условиях, комфортных для существования татарского народа. Эти условия поэт видит только в дружбе и единстве с русским народом.

Поэт – принципиально против войны, он пацифист по духу. В стихотворении «Слово к зиме» читателю:

*Торопись исчезнуть, старый, убегай же поскорей!
Не видать тебе пощады от владычицы полей.
У царицы нет оружия, но зато ее полки
Пестрокрылы, и несметны, и летучи: мотыльки!*
Перевод А. Ахматовой

Мировоззрение Тукая полнее раскрывается перед исследователями при знакомстве с его письмами. На литературный процесс он активно воздействовал не только своим творчеством, но и через эти письма. Читая переписку поэта с современниками, друзьями, коллегами по перу,

о нации естественно, такие слова оскорбительны. Зачем мне их будущее? Каждая минута моя стоит всего мира. Мне дорого настоящее время... Но они не давали мне покоя: «Ты отдай нам написанное, такой-то издатель тебе мало заплатил, он бессовестный!» Они меня унижали и давили на меня».

Вот с чем связано стихотворение Тукая «Не стану мелочиться!»

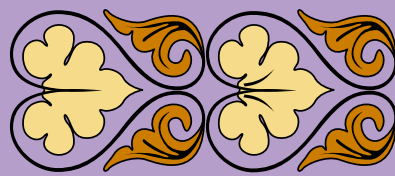
*Когда святому делу, словно долгу своему, ты
Жизнь посвящаешь – на тебя накладывают пути:
– Гляди, в какое сложное живем мы нынче время,
В такое время нас держись, иди, как мы, за всеми.
Но преходящи времена, и мир мне тесен бранный,
Пригнуться – значит совершить перед собой измену.
А я стремлюсь туда, где место, время – вечны. В вечность!
Непреходящи красота, свобода, человечность!*

Перевод В. Валиевой

Письма Тукая шакирдской поры и воспоминания «Что я помню о себе» – душераздирающие документы. В них предстают беззащитность и отверженность сироты как «лишнего рта», отсутствие ласки со стороны старших, нужда в куске хлеба. Его судьба полна лишений и утрат. Голос сиротского детства звучит нам из стихотворения «Разбитая надежда»:

*Мать моя лежит в могиле. О страдальца моя,
Миру чуждому зачем ты человека родила?
С той поры, как мы расстались, стража грозная любви
Сына твоего от двери каждой яростно гнала.*
Перевод А. Ахматовой

Величие и трагедия



удивляешься глубине и точности его понимания и познаний в области поэтического творчества, русской поэзии и мировой литературы. Тысячу раз прав Джамал Валиди, утверждавший, что «Тукай достиг самых высоких вершин, каких только могла достигнуть татарская мысль в начале XX века». У Тукая, как художника есть свой взгляд на явления русской поэзии. Например, в одном из писем Сагиту Сунчелею он пишет: «Природный талант Никитина, по-моему, ничуть не ниже, чем у Пушкина. Только он не получил достаточного образования и не сумел развить свой разум и дух в необходимом направлении. А это – важный фактор» (4 марта 1911 года). В другом письме Сагиту Сунчелею читаем: «Не обращайтесь на излишние разглагольствования Сагита Рамеева о размерах и строфике. У нас, у татар, пока еще не разработаны теория словесности и разновидности поэтической системы вроде хорея, дактиля и т.д., нет беды в том, что размер и гармония получаются разные. Важнее всего смысл и изящное выражение... Написанные Тургеневым без ритмических строк «Отцы и дети» разве проза? Там совсем нет строгих рамок. А между прочим – поэзия» (последнее предложение написано по-русски. – Н. Х.) (1 января 1911г.).

Вот что писал поэт относительно переводов из мировой литературы Сагиту Сунчелею: «Похоже, что за «Шильонского узника» взялись, не соизмерив свои силы. Надо было стараться перевести... так, чтобы получилось красиво и изящно, не хуже, чем в оригинале. Вот Сагит Рамеев перевел «Пророка» Пушкина, а Ваш покорный слуга перевел «Пророка» Лермонтова. У обоих получилось довольно-таки неплохо. Тем не менее мы еще не осмеливаемся взяться за большие поэмы» (4 декабря 1910г.). А когда Сагит Сунчелей завершил перевод «Шильонского узника» Байрона, Тукай написал ему: «Если издательство «Гаср» выпустит в свет «Шильонского узника», я первым поздравлю Вас с этим успехом» (22 января 1911г.). Тукай написал предисловие к изданию перевода поэмы, в котором приветствовал это достижение: «Был ли хоть один перевод на наш татарский язык, который дал начало «байронизму» и одарил мир великим и высоким чувством? Конечно, такого перевода не было. Выполнял же эту задачу Сагит эфенди».

Пути развития татарского литературного языка всегда волновали Тукая. Он пишет Сагиту Сунчелею: «В Ваших стихах я нахожу провинциальные слова, отсутствующие в общепринятом языке. Не смешивать бы их... Казань я считаю столицей и татар Заказанья считаю народом, который до сего дня сохранил свое национальное лицо и сохранит его в будущем. Я желаю, чтобы наша национальная литература была только на их языке и выражала их дух. Я терпеть не могу употребления Маджитом Гафури «булмай» вместо «булмый»» (9 ноября 1910г.).

Письма Тукая помогают лучше представить его окружение, почувствовать его страдания и понять его стихотворения. В одном из писем Сагиту Сунчелею отражены такие чувства и переживания поэта: «Тебя я нахожу во всех отношениях искренним человеком. Я сам до приезда в Казань был так наивен, что интересовался чем-то вроде того, ест ли, пьет ли Гаяз Исхаков. Однако после приезда в Казань, увидев националистов, понял их. К сожалению, они прожужжали мне все уши словами: «Твои стихи любят народ; оказывается, ты их продал лишь за такую-то цену, а мы бы дали столько-то и столько-то», то есть алчными взглядами оскорбляли меня. Бормотали, дескать, «нужно обеспечить себе будущее». Для меня, поэта, которого всегда воодушевляет и вдохновляет мысль

ТУКАЯ

Именно потому, что детство и юность поэта прошли в таких глубоких страданиях, он сумел отразить горькую долю народа. Неспроста такая трепетная любовь народа к своему поэту, татарский народ в судьбе Тукая видел отражение своей исторической судьбы. В его поэзии он познал всю свою героическую и трагическую историю.

Письма поэта и его проза «Что я помню о себе» запечатлели образы добрых людей, которые не дали ребенку погибнуть. Это – две его тетки, семья Сагди из Кырля, усыновившие его в Казани Мухамметвали и Газиза (поэт называет их папой и мамой), тетка и зять из Уральска, двое родственников из Гурьева и многие другие. Вот как изображает поэт мягкую, милосердную душу своей тетки Сажиды: «Я по сей день храню в памяти, как в тайне от неродной бабушки меня утешала и ласкала Сажида-апаи, а при появлении бабушки она принимала безразличный вид – как будто ей не было никакого дела до меня.

Вот с той поры та тетка в моей душе запечатлелась ангелом. Если начинаю ее вспоминать, перед взором возникает белым-белый и чистый ангел».

В письме Габдуллы Тукая, адресованном тете Сажиде из деревни Учили и датированном 30 июня 1903 года, есть такие строки: «Милосердная моя апаи! Я в могиле не забуду твою доброту, проявленную ко мне в малолетстве и проявляющуюся ныне. Когда моя мать переселилась в дом вечности, в доме деда не было никого, кто бы смотрел на меня глазами милосердия, однако была ты».

Невозможно спокойно читать строки о сиротской доле поэта. Но в них открываются и душевная щедрость, высокий гуманизм нашего народа. Несчастное дитя осталось в живых и стало великим поэтом лишь благодаря величии души простых людей. Не перевелись в народе люди милосердные и щедрые. Неспроста поэт позже писал:

*Разве мало испытал унижений и побоев я — сирота?
Вырастила, погладив по головке, лишь нация моя.*

Подстрочник

Самое трагичное в судьбе поэта – краткость его жизни. Двадцать семь лет – это возраст женитьбы молодых парней. А ведь Тукай совершенно не думал, что так быстро умрет... Он жил титаническими творческими замыслами. За два года до своей кончины, 4 марта 1911 года, он пишет Сагиту Сунчелею: «В голове витает множество замыслов об одной поэме. Только полностью переварить еще не успел. Мечта моя вот о чем: на татарском, в татарском духе, с татарскими героями, хочу создать своего «Евгения Онегина». Что бог даст». Немыслимо короткая жизнь поэта лишила татарскую и мировую литературу многих произведений, которые могли бы стать бесценными шедеврами.

Великие поэты никогда полностью не досказывают того, что хотели бы сказать миру. Но Тукай оставил бессмертное сокровище. Мы с этим сокровищем ощущаем себя одним из самых богатых народов мира.

В Казани на улице Тукаевской есть удивительный дом, в котором время словно замедляет свой бег и, оторвав тебя от каждодневной суеты, уводит в мир истории и литературы. В этом здании, представляющем собой памятник архитектуры конца XIX – начала XX века, расположен Литературный музей великого татарского поэта Габдуллы Тукая.

Здание, являющееся украшением Старотатарской слободы, в народе называют «домом Шамиля». Когда-то оно принадлежало купцу первой гильдии Ибрагиму Апакову. В 1884 году Ибрагим Исхакович Апаков выдал свою восемнадцатилетнюю дочь Бибимарьямбану за Мухаммадшафи – генерал-майора в отставке, сына знаменитого дагестанца Шамиля аль-Гали. А дом стал приданным невесты.

В 1902 году в Старотатарской слободе произошел сильный пожар, который не пощадил и этот великолепный дом. В 1903 году Бибимарьямбану реконструировала его (архитекторы Ф. Амлонг и Г. Руш), и до наших дней эта рукотворная сказка, похожая на старинный европейский замок, сохраняет свое неповторимое лицо.

В 1904 году Мухаммадшафи Шамиль отправился на Кавказ лечиться и внезапно там умер. Его вдова продала дом купцу Валиулле Ибрагимову, а сама с детьми уехала в Санкт-Петербург.

Валиулла Ибрагимов был известным производителем кондитерской продукции, в Казани у него работало несколько фабрик. Даже в «доме Шамиля» он открыл конфетное производство.

Позднее здание использовалось по-разному. В последние годы в нем устроили коммуналки, в которых нашли приют почти тридцать семей.

В 1984 году здание было передано создававшемуся музею Габдуллы Тукая, а 11 июня 1986 года музей открыл свои двери для первых посетителей.

Бывал ли Тукай в этом доме? По мнению писателя Рафаэля Мустафина, поэт, не любивший богатей, вряд ли посещал «дом Шамиля». Историк Булат Султанбеков придерживается иной точки зрения. В середине 1890-х годов в дом к Мухаммадшафи Шамилю приезжает его сын от первого брака Мухаммадзагит. Образованный, энергичный молодой человек с широким кругозором за короткий срок завоевывает уважение мусульманской молодежи. Он организует одно из первых мусульманских благотворительных обществ, выступает в прессе с критикой татарских богачей, бездумно копирующих европейскую моду, но забывающих о бедных, больных и сиротах. Мухаммадзагит также участвует в организации театральных представлений на татарском языке. В 1901 году он собирает в городском театре более четырехсот зрителей-мусульман. Публика с одобрением приняла спектакли, поставленные по пьесам А. Островского «Волки и овцы» и Шмитгофа «Волшебный вальс». Деньги, полученные от продажи билетов, были переданы в мусульманское благотворительное общество.

Именно в те годы «дом Шамиля» превратился в центр, где могла собираться и общаться татарская молодежь и интеллигенция. Не исключено, что в один из вечеров сюда мог заглянуть и мечтавший о прогрессе нации Габдулла Тукай.

В музее, открытом к столетию поэта, на втором этаже вас встречает сам Габдулла Тукай, точнее, его скульптурный образ, созданный Радой Нигматуллиной. Высокие узорчатые двери

открываются с легким стоном, заставляя вздрогнуть от какого-то неясного предчувствия. Чуть скрипящие половицы тоже готовят посетителя к встрече с таинством. Все в этих стенах – как святой ключ, бьющий из глубинных пластов истории и льющий какую-то знакомую мелодию: то грустно, то ликующе, то громче, то шепотом...

Экспозиция, расположенная в четырех залах, рассказывает о жизни и творчестве Габдуллы Тукая. Кого оставит равнодушным первый зал, посвященный

Рамис АЙМЕТ,
директор Литературного музея Габдуллы Тукая

СОКРОВИЩА ДОМА ПОЭТА



у посетителей вызывают личные вещи Габдуллы Тукая. Их немного, и поэтому берегут реликвии как зеницу ока.

Прежде всего, это три фотографии. Первая была сделана в 1908 году специально для сборника стихотворений. На обороте – автограф Тукая: «На память Кариеву». Этот снимок музею подарил сын возлюбленной Тукая Зайтуны Мавлюдовой писатель Атилла Расих. Как же фотография попа-

черного вельвета. Судя по воспоминаниям, в 1908 году Тукай сфотографировался именно в ней.

Металлический стакан для карандашей Тукай купил в 1912 году во время путешествия в Петербург. Этот стакан был изготовлен в связи с двухсотлетним юбилеем города.

В воссозданном интерьере комнаты № 40 гостиничных номеров «Булгар» мы видим постоянную спутницу поэта – его дорожную корзину. Каких только путешествий не помнит эта вещь! Она хранилась в семье хорошей знакомой Тукая Магруд Музафаровой. Позже известный композитор Мансур Музафаров,

исполняя завещание матери, передал корзину в Институт языка, литературы и истории, а затем она стала одним из самых драгоценных экспонатов музея Тукая.

Небольшую фаянсовую шкатулку Тукай купил на свой первый гонорар. Это его подарок родственнице Газизе.

Запонки поэта стали экспонатом музея уже после

казанский художник Альфред Низаметдинов. Тот, в свою очередь, получил их в 1950-е годы от Зайнаб Хасани, когда-то работавшей секретарем в журнале своего мужа Ахметгарея Хасани «Аң». Тукай стоял у истоков этого журнала. В 1911–1912 годы А. Хасани с целью освоения издательского дела и покупки печатного оборудования посетил Австрию и Германию. Вполне вероятно, что именно тогда он купил запонки, чтобы подарить своему другу Тукаю...

Бесценен гипсовый слепок с лица умершего поэта, сделанный 3 апреля 1913 года специалистами медицинского факультета Казанского университета.

Саз мой нежный и печальный, слишком мало ты звучал...

Когда смотришь на эту посмертную маску, вобравшую в себя дорогие черты поэта, появляется ком в горле, охватывает горечь утраты, будто испытываешь ее сегодня...

Тот уголок Казани, где расположен музей поэта, по праву можно назвать Тукаевским. Каждый перекресток, каждый переулок хранит память о Тукае, поэт бывал в стенах многих зданий этой части города. В доме № 63 на улице Габдуллы Тукая в 1907–1909 годах располагалась редакция газеты «Аль-Ислах», с которой сотрудничал Тукай. На месте современного кинотеатра имени Тукая стояло здание, где находилась редакция журнала «Ялт-Йолт» – в ней в 1910–1913 годах Тукай работал секретарем. Дом № 79 связан с именем друга Тукая Хусаина Ямашева. В русско-татарской школе, располагавшейся в доме № 73, учились многие близкие друзья поэта. Номера «Булгар» (к сожалению, здание снесли буквально в последние годы – ред.), где в 1907–1912-х годах



обосновался Тукай, гостиница «Амур», в которой поэт жил с декабря 1912 по февраль 1913 года, а также здание Восточного клуба, где он прочитал свою знаменитую лекцию «Народная литература», представляют собой, по существу, музей под открытым небом.

Очень жаль, что мы не дорожим оставленным нам предками наследием и не сохраняем этот музей. Исторические памятники, в том числе и те, что связаны с именем поэта, утрачиваются. С горечью думаешь: Казань, тот ли ты город, что видел Тукай?! А ведь «памятник» и «па-



ла к Зайтуне? Первый директор музея Габдуллы Тукая Гусман Хабибуллин пишет об этом так: «В 1910 году Габдулла Кариев со своей труппой побывал в Чистополе. Там он встретился с Зайтуной, и она выпросила у него фото поэта».

Вторая фотография сделана в 1912 году. На обороте рукой Тукая написано: «На память другу Махмуту». С известным революционером Махмутом Дулат-Алиевым Тукай познакомился в Уральске. Эту фотографию принесли в музей родственники Дулат-Алиева.

Одно из сокровищ музея – тобетейка поэта, сшитая из

его открытий. Как пишет Гусман Хабибуллин, их передал сюда

мать» – слова, имеющие один и тот же корень.



Сыны отечества

**Илдар Утямышев,
доктор технических наук,
академик РАЕН**

Чем чаще мы вспоминаем своих близких, которых уже нет рядом, тем дольше они присутствуют среди нас, связанные с нами незримыми нитями, продолжают свой путь в наших сердцах. Живая память – средство от забвения, безразличия и духовной пустоты. Об этом все чаще стал я задумываться в последнее время – в год 85-летия со дня рождения моего отца – **Утямышева Рустама Исмаиловича**.

Родился он 23 апреля 1926 г. в семье Исмаила Утямышева, крупного предпринимателя. Мой дед, Исмаил Мухаметгалиевич получил образование в Симбирской гимназии, в той самой, в которой учились В.И. Ульянов-Ленин и Председатель Временного правительства России А.Ф. Керенский. Затем дед окончил Симбирское коммерческое училище с золотой медалью и Санкт-Петербургский политехнический институт. Во время учебы в Петербурге Исмаил Утямышев дружил с Мулламуром Вахитовым, известным революционером и первым Председателем ревкома Казани. Студенты жили в одной комнате в общежитии. Мулламур всячески пытался увлечь своего друга идеями классовой борьбы. Исмаил с пониманием его слушал, но не во всем был с ним согласен и не разделял революционного пути развития России.

Мать, Зубайда Утямышева (Каримова) дочь крупного книгоиздателя и предпринимателя Мухаметжана Каримова. В роду у нее был известный татарский ученый-историк, философ и богослов Ш. Марджани.

Утямышевы и Каримовы были одними из известнейших представителей татарского делового мира наряду с Акчуриными, Юнусовыми, Апанаевыми. Они развивали промышленность, строили мечети, школы. Предприятия Утямышевых были в Казани, Уфе, Оренбурге, Сибири. Братья Каримовы владели типографиями в Казани, вели торговые дела в соседних губерниях, с Турцией, Германией и Австро-Венгрией.

Исмаил Утямышев был человеком высокообразованным: владел иностранными языками, хорошо разбирался в коммерции, активно участвовал в общественной жизни, был депутатом Казанской городской думы, имел звание Почетного гражданина.

В своей родной деревне Мачкара он построил электростанцию и ввел много технических новшеств. Он постоянно оказывал помощь односельчанам деньгами, мукой, зерном, и, как правило, безвозмездно.

Семья Утямышевых жила в большом каменном трехэтажном фамильном доме, построенном предками более ста лет назад.

До наших дней сохранилась мечеть с минаретом высотой более 40 метров, построенная Утямышевыми в конце 18 века. Это большое здание из красного кирпича украшено красивой восточной росписью, стены толщиной около двух метров.

В 1929 году началась коллективизация. Утямышевых в одночасье вы-



Фамильный дом Утямышевых

селили из родового гнезда. Была зима. Исмаил был этапирован в Мордовские лагеря, Зубайду с маленькими детьми погрузили в товарный вагон эшелона и отправили на восток в неизвестность с сотнями других друзей по несчастью, изгнанных из родных мест. Моя бабушка была женщиной энергичной и решительной. Воспользовавшись мо-

ментом, она выбросила детей в сугроб и сама выпрыгнула на ходу из идущего поезда. С большими трудностями они затем добрались до средней Азии.

Позже к ним присоединился мой дед, вернувшийся из лагеря.

Сестра Исмаила, Камария, также сосланная с двумя своими детьми за Урал, бесследно исчезла в ссылке. Маленький сын Исмаила Узбек пошел

П.С. Попков, многие другие хозяйственные и партийные руководители. Не минула эта участь и ректора ЛИАПа Ф.П. Катаева. В институт прибыла комиссия во главе с Г.К. Маленковым. Для проведения расследования и дачи показаний были вызваны сотрудники института и руководители общественных организаций. На вопрос Маленкова, что он может сказать о своем ректоре Р. И.

Мой отец – Рустам Утямышев



Семья Утямышевых в 1929 году

учиться в школу в Ташкенте, он поменял имя данное ему родителями на вполне благозвучное Рустам, рассудив, что не очень уместно, проживая в Узбекистане, носить само название основной титульной нации.

В десятилетнем возрасте Рустам лишился отца, которого не стало в 1937г. Через год умирает от тифа старшая сестра Турфанда, затем бабушка. Они остаются вдвоем с матерью. Все заботы по хозяйству ложатся на Рустама.

В 1941 году пришла великая беда на нашу землю и время великих испытаний для народа – началась Великая Отечественная война. Рустам тогда уже учился в старшем классе. Еще до войны были созданы военизированные формирования школьной молодежи для обучения военным навыкам, которые назывались Юнармия. Рустам был по натуре очень инициативным и деятельным, всегда был впереди. В Юнармии он возглавлял учебную роту и имел звание лейтенанта.

Будучи младше своих подопечных он обучал будущих солдат премудростям военного искусства: преодолению препятствий, водных рубежей, стрельбе. Особенно это было важно для местного узбекского населения, которое понятия не имело об условиях России, климате, и самое главное - дисциплине.

В 1945 г. Р.И. Утямышев поступил в Ленинградский институт авиационного приборостроения (ЛИАП) и уехал с матерью в Ленинград. Его неумная натура проявилась и там.

Вскоре на втором курсе он был избран председателем профкома института. Студенческая жизнь кипела. Но,

Утямышев ответил: «Ректор честный и порядочный человек и настоящий коммунист».

Получив такой категоричный ответ, партийный контролер приказал выгнать студента из профкома. Катаева сняли с должности, но он остался жив. Через несколько лет его восстановили. Долгие годы Ф.П. Катаев благодарил своего бывшего студента. В жизни Рустама Утямышева и в последующие годы было много ситуаций, когда он принимал всю ответственность на себя.

Окончив институт в 1951 г. по специальности «Инженер-электромеханик» по профилю «Радиолокационные прицелы с автоматическим наведением самолета-истребителя», Р.И. Утямышев был направлен в Государственный Краснознаменный НИИ Военно-воздушных сил Министерства обороны на ст. Чкаловская, Московской области, где он проработал с 1951 по 1967 годы.

Это был период активного творческого подъема и трудового энтузиазма. Быстрыми темпами развивалась промышленность и наука, укреплялся оборонный потенциал страны.

Службу в Вооруженных силах Р.И. Утямышев начал лейтенантом, а закончил полковником. Он активно занимался вопросами измерения скоростей вращения авиационных двигателей, участвовал в программах неконтактного уничтожения воздушных целей, первых беспилотных летательных аппаратов (прототипов крылатых ракет), вопросами жизнеобеспечения обитаемых космических кораблей.

Под его личным руководством были созданы комплексы для измерения скоростей вращения турбокомпрессоров, электроприводов, расходов топлива, бортовых приборов времени, измерители горизонтальной скорости самолетов, начальные скорости авиационного вооружения, методы неконтактного поражения воздушных целей в системах «воздух-воздух», автоматизированные системы многоканальной информации. Р. И. Утямышев являлся главным конструктором по созданию тренажерной, испытательной и бортовой техники по подготовке экипажей космических кораблей. За успешную подготовку полета первого космонавта Ю.А. Гагарина он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1967 г. Р. И. Утямышев перешел во Всесоюзный научно-исследовательский и испытательный институт медицинской техники (ВНИИИМТ), головную организацию Минздрава СССР, ответственную за развитие медицинской техники в стране, которым руководил до апреля 1984 года. Институт координировал работу более 700 предприятий оборонного комплекса, которые проводили разработки и выпускали изделия медицинской техники.

В 1971 г. Р.И. Утямышев возглавил Координационный центр стран-членов СЭВ (Совета экономической взаимопомощи) по обеспечению единой политики развития медтехники в странах восточной Европы. Впоследствии к работе центра присоединились Куба, Югославия и Финляндия.

В институте находилось Центральное правление Всесоюзного медикотехнического общества (ВНМТО),

председателем которого на протяжении многих лет был Р.И. Утямышев. ВНМТО объединяло более 100 тысяч ведущих ученых, инженеров, врачей и 3 тысяч организаций и предприятий, вовлеченных в процесс разработки и применения медицинской техники. На конференциях, пленумах и съездах общества обсуждались актуальные проблемы развития технических средств в области медицины и обеспечения здравоохранения, обсуждались государственные программы и предложения для включения в директивные документы ЦК КПСС и Совета министров.

С 1971 года Р.И. Утямышев — Главный метролог Министерства здравоохранения СССР. Он формирует и развивает теорию метрологии медицинских измерений в их единстве с общезначимыми и общетехническими данными. Позже Р. И. Утямышев председатель Международного комитета по измерениям в биологии и медицине ИМЕКО (с 1979 г. институт становится испытательным центром медицинской техники.)

С первых дней работы в институте Рустам Исмаилович активно формирует ряд ежегодных решений Комиссии Президиума Совета Министров по военно-промышленным вопросам, ориентируя предприятия оборонных отраслей промышленности на развитие и производство медицинской техники (с 1968 г.). Постановлением Совмина назначен главным конструктором создания комплекса барокамер и развития средств гипербарической (глубоководной) оксигенации, возглавлял работы по развитию современных авторегулируемых средств криогенной



техники, хирургических инструментов, микропроцессорных информационно-измерительных и диагностических средств. Под его руководством (1983 -1984 г.) была разработана Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1986 -2000 гг., а также программа стран —членов СЭВ. Многие годы Р. И. Утямышев являлся членом квалификационного ученого Совета Академии медицинских наук и председателем специализированного совета руководимого им института, заместителем ответственного редактора Большой медицинской энциклопедии.

Благодаря титанической его деятельности советское здравоохранение из года в год получало все большее количество современной техники.

Оставаясь в душе человеком военным, он ставил государственные вопросы по- военному. Он добивался, чтобы учреждения здравоохранения были обеспечены полноценным табельным техническим оснащением. Все средства должны были проходить регулярную поверку на соответствие техническим параметрам. Новая техника проходила испытания по многим параметрам: электромагнитная совместимость, химическая и токсикологическая безопасность и др.

Страна фактически была независима от импорта. Подавляющее количество позиций медицинской техники обеспечивалось отечественными производителями и странами СЭВ.

Не было отставания от зарубежных стран. Отечественная оборонка имела научный и технологический производственный потенциал для создания современной аппаратуры в необходимом количестве.

Авторитет ВНИИИМТ, который мно-

гие называли институтом Утямышева, был огромен, но не у всех это вызывало уважение и гордость. В стране и в прежние времена находилось немало таких, кто с завистью, а может быть с конкретным злым умыслом пытался разладить поступательное развитие нашей отечественной науки и промышленности. Нередким явлением были необоснованные проверки, в особенности по партийной линии. Поводом, как правило, служили популярные в то время анонимные письма и сигналы. Разбирательства отнимали много сил и нервов, отвлекали от важной работы.

Особенно усердствовали комиссии партийного контроля, которые активизировали свою деятельность, когда серьезно рассматривался вопрос о назначении Р.И. Утямышева на крупную государственную должность (министра, заместителя министра СССР). 1984 г. его исключили из партии и освободили от всех должностей. И вся эта нервотрепка закончилась тяжелейшим инфарктом.

Многие пытались помочь Р.И. Утямышеву отстоять честное имя. Были подключены достаточно крупные и авторитетные силы, на его защиту встал практически весь коллектив института, который бурлил от негодования, фактически это была открытая акция протеста, что само по себе явление исключительное для того времени. Ничего не смогли сделать. Репрессивная машина работала безукоризненно, невзирая на элементарную логику и здравый смысл.

Р.И. Утямышев продолжил свою трудовую деятельность старшим инженером в центре гипербарической оксигнации ВНЦХ АМН СССР, который он сам же и создавал. Исключенный из рядов КПСС Р.И. Утямышев был восстановлен лишь в 1986 г., после освобождения В.В. Гришина от поста Первого секретаря Московского горкома партии. Активную помощь и поддержку отцу оказал бывший Министр здравоохранения академик Б.В. Петровский, который лично встречался с новым секретарем МГК Ельциным Б.Н.

Несмотря на несправедливости и лишения, Утямышев Р.И. не затаил обиды и продолжал активно работать на благо страны. В 1985 - 1990 гг. он возглавлял научно-технический совет ВНЦХ АМН СССР и более 100 ОКР по медицинской технике. С 1990 по 1999 гг. он директор научно-производственного комплекса ГП «Московский центр внедрения достижений науки и техники «Москва». При его непосредственном участии и научном руководстве были подготовлены и реализованы региональные программы «Конверсия городу» (1991-1994).

Рустаму Исмаиловичу посчастливилось работать с многими крупными учеными и руководителями. В частности, президентами АН СССР М.В. Келдышем и А.П. Александровым, председателем ГКНТ В.А. Кириллыным и председателем ВПК Л.В. Смирновым, главными конструкторами С.П. Королевым и А.И. Берном, академиком Б.В. Петровским. Он долгие годы дружил и сотрудничал с Фиделем Кастро, изобретателем телевидения М. Зворыкиным и многими другими легендарными людьми.

Р.И. Утямышев был ученым, инженером, организатором науки, человеком незаурядным, масштабным, мыслящим государственными категориями. Он прожил яркую, интересную жизнь, полную трудностей, трагических событий и великих свершений. Будучи человеком, опережающим свое время, он всецело отдавал себя работе, не жалея ни сил, ни времени.

Он был нетерпимым к фальши, несправедливости и оставался при этом исключительно внимательным, отзывчивым и добрым человеком. Безгранично любил свою Родину, глубоко переживал ее трагедию, всегда оставался достойным представителем родного татарского народа.

На родине Рустама Исмаиловича в Кукморе (Республика Татарстан) глубоко чтут память о нем. Стало доброй традицией каждую весну проводить межрегиональную конференцию школьников им. Р.И. Утямышева «Моя я в большой науке». Одна из новых улиц Кукмора названа его именем. В фамильном доме, которому 200 лет, в деревне Мачкара расположен лучший в Татарстане детский коррекционный интернат. Активно проводится реставрация старинной каменной мечети Утямышевых.

Солнце уже садилось, когда фельдьегерская карета переправила Тараса Шевченко через Сакмару, и перед его взором предстало великолеп-



ное сооружение Караван-Сарая: 35-метровый минарет придавал Оренбургу восточный колорит, подчеркивал его географическое положение на стыке Европы и Азии. А это говорило о наличии в нем мусульманского населения.

Так началась одиннадцатилетняя жизнь великого сына украинского народа в Оренбургском крае - в ссылке, в неволе, в солдатчине. Сколько горя пережито, дум передумано, сколько людей познано в эти тягостные годы! И многие из них были мусульмане - народы другой веры, других языков и обычаев. Казахи, татары, башкиры, каракалпаки, туркмены, узбеки, таджики - в течение всей своей ссылки Тарас Григорьевич относился к ним с неизменным сочувственным вниманием. Он обладал редким даром общения, быстро завоевал симпатию и дружбу с ними. Они относились к нему как к самому дорогому человеку, стали родными по духу, близкими товарищами, были для него источником вдохновения при создании замечательных литературных произведений и чудесных рисунков. Мусульманская тема нашла свое отражение в «Близнецах», «Варнаке», «Несчастном», «Прогоулке с удовольствием и не без морали», «У бога за дверью летела секира», «Думах», «Сне» и десятках других стихов. Им создано более 350 акварельных пейзажей, рисунков и портретов. Из Орска он писал княжне В. Репниной: «А здесь так много нового, киргизы (казахи) так живописны, оригинальны, наивны, сами просятся под карандаш». О бухарцах-узбеках, таджиках: «Какой стройный народ! Какие прекрасные головы».

Особое место в его творчестве занимают казахи. Среди них он провел десять лет своей жизни. «Казах на коне», «Казах у огня», «Казашка», «Казахский мальчик», «Т. Шевченко рисует товарища», «Казахский мальчик топил печку», «Кибитка киргизов на берегу Аральского моря», загадочное «Святое дерево», «Остров Кос-Арал». О них (каза-

хах) одних только поэтических произведений и рисунков насчитывается более восьми-десяти.

Со многими представителями казахского народа Тарас Шевченко общался, ел за одним дастарханом (скатертью). Это старик Агу,

ном, унтер-офицером, опальный поэт сблизился на шхуне «Константин» и общался с ним в течение полугода лет.

В период ссылки в Новопетровское укрепление Тарас Шевченко подружился с башкиром Ахметом Хаировым - переводчиком. Тот учился в Казанской гимназии, потом в университете. Кроме родного языка прекрасно знал русский, татарский, другие вос-

Есть основания считать Забаржаду уроженкой Каргалы, так как по решению Государственного сената России село с 7 ноября 1784 года официально именовалось Сеитовским посадом, то есть пригородом Оренбурга, и таковым было до 1918 года. Многие каргалинцы, особенно беднота, из-за нехватки земли расселились по деревням Оренбургской губер-

ПОМНЯТ СТЕПИ сына Украины

который знал топографию до мельчайших подробностей, как свои пять пальцев и помогал ему изучать местность. Большую роль в усвоении поэтом особенностей Аральского края сыграл Сарым-бек: через него поэт знакомился с казахским языком, фольклором, народным бытом. Толмачом (переводчиком) ему служил Насыр Алмакуров - он в молодости был лихим джигитом, а за угон скота его отдали в



точные языки. В письме к другу Федору Лазаревскому Шевченко просил передать привет Хаирову - этому доброму и благородному сотнику.

На жизненном пути украинского изгнанника в Оренбургском крае встречались не только мужчины-мусульмане. Было немало и женщин. Ни в письмах, ни в мемуарах их имена не сохранились, за исключением татарки Забаржады (Зубаржад), пишет в своем романе «Тарас Шевченко» Мариэтта Шагинян. «Молодая, стройная, смелая, прекрасная наездница, хороша знавшая русский язык» - так повествует о ней А. Вадецкий в романе «Акын Терезы». Казахи, каракалпаки ува-

жительно называли Тараса Шевченко Акын Терезы. Федор Лазаревский в своих воспоминаниях об оренбургских зимних вечерах пишет: «Изредка устраивались вечера с дамами, причем непременно подружкой Тараса была татарка Забаржада, замечательной красоты». Шевченко посвятил ей одно из изумительных стихотворений, в котором есть такие строки:

...На стан твой гибкий
Я смотрю,
Молитву богу посылаю,
Я небо за тебя молю...

Тема взаимоотношений Кобзаря с мусульманским населением нашего края широко отражена в книге писателя и ученого Леонида Большакова «Оренбургская Шевченковская энциклопедия». Ее автор посвятил изучению жизни и творчества Тараса Григорьевича в Оренбургском крае более 50 лет жизни.

Стало традицией проводить в Оренбурге конференции, посвященные Шевченко. На всех этих мероприятиях тема «Мусульмане в жизни и творчестве Тараса Шевченко» занимает достойное место.

Эта статья - дань глубокого уважения и почитания современной мусульманской диаспоры Оренбургского края, а также гениального поэта XIX века, который оставил нам теплые, бессмертные слова и рисунки о тюркоязычных народах, своих современниках.

Фарих БЕКТЕМИРОВ,
ветеран труда

г. Оренбург

Габдулла Тукай



Х. Казаков. Маленький Тукай

Исемдә калганнар

Минем атам Мөхәммәтгариф, Кушлавич авылында Мөхәммәтгалим исемле мулланың угылы булып, 14-15 яшьләрендә Кышкар мәдрәсәсенә китеп, аннан авылыбыз Кушлавичка кайтып, мулла булмыштыр.

Анам илә бер ел ярым кадәр торгач, беренче бала буларак, мин дөнъяга килгәнмен.

Минем туганыма 5 ай заман үткәч, атам аз гына вакыт авырып, дөнъя куйган.

Тол калган анам янында мин берничә вакыт торгач, анам мине авылыбыздагы Шәрифә исемле бер фәкыйрә карчыкка вакытлыча асрагга биреп калдырып, үзе Сасна исемле авылның имамына кияүгә чыкмыштыр.

Бу вакыт атамның ата-анасы (бабай вә әби) күптән вафат булып, авылда башка туганнарым булмаганлыктан, мин бу карчык ханәсендә кадерсез, артык бер бала булганлыктан, ул мине, әлбәттә, тәрбияләмәгән; тәрбияләү түгел, яшь балаларның иң мохтаж булдыклары ачык йөзгә дә күрсәтмәгән.

Мин үзем ул карчыкта үткән заманның ничеклеген белмим. Ул вакыт мин ике-өч ярым яшендә генә булганмын дип уйлыйм.

Хәзер авылда минем сабий вакытымны күргән карчык вә хатыннар тәрбияче карчыгымның минем илә бик начар мөгамәләдә булганлыгын үземә хикәят итәләр.

Мин кыш көннәрендә төнлә яланаяк, күлмәкчән көенчә тышка чыгам икән дә, берәздән өйгә кермәкче булып, ишеккә киләм икән. Кыш көне авыл ызбаларының ишекләрен ачмак, балага түгел, шактый үсмер кешеләргә дә мәшәкать вә көч булганлыктан, табигый, мин ишекне ача алмыйм вә ишек төбәндә аякларым бозга ябышып катканчы көтеп торам икән.

Карчык исә үзенең: «Кадалмас әле,



килмешәк!» — дигән «шәфкәтьле» фикере илә мине үзе теләгән вакытта орыша-орыша кертә икән. Ул карчык үлгән инде; алла аңар рәхмәт итсен.

Мин бу карчыкта торган вакыт эчендә анам да теге муллага үзләшеп житкән булырга кирәк: ул бервакыт мине үз янына, Саснага алдырырга атлар жибергән.

Хәер, алып киткәннәр генә түгел, шул атка утырып киткән минутларда миндә, бала булсам да, бер төрле аң ачылып киткәнме, нидәндер, мин хәзердә дә атта утырып Саснага барганымны, үземне бер киң вә рәхәт галәмдә хис иткәнәмне, юлда барганда күз алдымда әллә нинди нурлар уйнаганын онытмаган шикелле булам.

Саснага барып житкәнмен. Ничек, ни рәвеш бардым, мине кемнәр каршылады — анысын белмим; ләкин үги әтиемнең мине сөюе, миңа чәй янында кәрәзле балны ак күмәчкә ягып бирүе, минем шунда куанганнарым, биш минутлык төш шикелле генә, әле дә булса хәтеремдә. Ләкин бу рәхәт бик озакка бармаган. Минем анам бу муллада бер ел кадәрме, күпмедер торгач, белмим, нинди авырудандыр, вафат булган.

Шуның өчен мин монда әнкәмнең жөназасын күтәреп алып киткәннәрен сизгәч, яланаяк, яланбаш хәлемдә, капка астыннан үкереп жылый-жылый йөгереп чыгып: «Әнкәйне кайтарыгыз, әнкәйне бирегез!» — дип, шактый гына жир мәет күтәрүчеләрдән калмый барганымны хәзер дә хәтерләвемне язамын.

Әни дә үлгәч, мин бөтенләй ятим булып житкәнгә, мин бу Сасна мулласы өенә дә сыймаганга, ул мулла мине Өчиле авылындагы анамның атасы булган бабайга кайтарып биргән.

Өчиле бик кечкенә вә ярлы бер авыл булганга, шуның өстенә мин ятим калган елларда ул тарафларда каты ачлык булганга, бабайның көн күрмеше гаять начар булган. Менә шул фәкыйрь вә шуның өстенә әллә ничә авызлы булган семья эченә мин ятим бала булып кергәнмен.

Үги әбинең алтыкүгәрченнәре эчендә мин бер чәүкә булганга,

минә жыласам — юатучы, иркәләним дисәм — сөюче, ашыйсым-эчәсем килсә — кызганучы бер дә булмаган, мине эткәннәр дә төрткәннәр.

Бусемьяэчендә фәкыйрьлек шул дәрәжәгә житкән булырга кирәк ки, мин хәзер дә булса бабайның күрше баерак авыллардан икмәк сыныклары теләнеп алып кайтканын исемдә тотамын.

Шул рәвешчә көннәр үткән, мин монда торганда чәчәк белән дә авырганмын, башка әллә нинди хасталыклар да күргәнмен, тәмам зәгыйфьләнгәнмен. Бу гайләдә һәммәсә (бер житеп килә торган Сажидә исемле кыздан башкасы) минем авыруыма: «Ичмасам, чәнчелсә, бер тамак кимер иде», — дип кенә караганнар.

Мин әле хәзер дә Сажидә апайның, үги әбидән яшереп кенә мине юатканын вә сөйгәнән, әби килә башлагач та, минем белән эше юк кеше шикелле, үзенә икенче кыяфәт биргәнән хәтеремдә саклыйм. Менә шул вакыттан бирле ул апа минем күңелемә фәрештә булып утырган да калган. Күңелем аны уйлый башлады исә, хәзер күземә ап-ак саф бер фәрештә күренә.

Мин бу семьяга сыймаганмын. Бер көнне бабай, үги әбинең киңәше илә булырга кирәк, авылыбыздан Казанга бара торган бер ямщикка мине утыртып, Казанга озаткан.

Ямщик Казанга килеп житкәч (безнең авыл Казаннан 60 кына чакрым), Печән ба-
зарында: «Асрауга бала бирәм, кем ала?!» —
дип, кычкырып йөргәндә, халык арасыннан

бер кеше чыгып, мине ямщиктан алган. Ул мине бер асрау бала итеп өенә алып кайткан.

Мин монда торганымны ярты йомык күз белән генә күргән шикелле булам. Миңа әти булганы Мөхәммәтвәли исемле булып, әни булганы Газизә исемле иде. Торулары Яңа бистәдә иде.

Әти талчукта сату итә идеме, әллә тиречә идеме шунда — анысын яхшы белмим. Әни, бер дә армый-талмый, байларга кәләпүш эшләп

чыгара иде.

Әни Печән базарына кәләпүш чыгарганда яки бер хезмәт илә байларның өенә барганда, кайвакыт мине дә ияртеп баргалый иде. Мин байлар йорт эченең матурлыгыны, идәннән түшәмгә кадәр торган зур көзгеләрен, чиркәү кеби суга торган сәгатьләрен вә сандык кадәр зур органнарын күреп, боларны оҗмахта торалар кеби уйлый идем.

Кайчакта әни белән Ташаяк базарына барып, андагы уенчык базарларына кызыгып вә самокатларда шатланып-шатланып агач атларга атланган малайларны карап, көнләшеп тора идем.

Мин дә атланыр идем — акчам юк. Әнидән сорарга куркам, ул үзе белеп бирми иде. Шулай итеп, мин кеше рәхәтенә генә кызыгып кайта идем.

Аннан соң, жәй көне ике бистә арасындагы яшел үлән өстендә малайлар илә каз жоннары куып йөргәнәмне, арыгач, Хан мәсҗеденә [Сөембикә манарасына] юнәлеп ятып, чирәмдә ял иткәнәмне бер дә онытмыйм.

Мин бу ата-анамда ике елмы, күпмедер торгач, әти дә, әни дә икесе берьюлы авырып башлаганнар.

Алар, үзләренең үлчәкләреннән куркып: «Без үлсәк, бу бала кем кулына кала, ичмасам, авылына кайтарык...» дип, теге мине Казанга китергән ямщикны табып, мине янәдән аңар утыртып, Өчилегә жибергәннәр.

Инде миннән мәңгелеккә котылдык дип уйлаган бу семьяның мине ничек каршы алганлыкларын уйлап белергә мөмкин. Мин кайтып берәз торгач та, әби белән бабай, инде мине шәһәргә жиберүдән өмид кисеп, кайда булса да бер чит авылга асрагга бирергә уйлашканнар.

Болар Өчилегә килгән һәрбер чит авыл кешесенә үзләрендә асрагга бирергә бер ятим бала барлыгын сөйләгәннәр.

Шулай мәшәкатьләнгән торгач, бездән жиде генә чакрым Кырлай исемле авылдан ир баласыз Сәгъди исемле бер кеше килеп, мине үзенә алып киткән.

(Истәлекләр редакция вариантында бирелә)

Дамир ИСХАКОВ, доктор исторических наук



В отдельных научных исследованиях и популярных публикациях последнего времени, а также в учебной литературе по истории Отечества для общеобразовательных школ не только Монгольская империя, но и выделявшаяся из нее Золотая Орда (Улус Джучи) начала определяться как «Монгольское государство». С одной стороны это, видимо, надо расценивать, как реакцию московских историков на стремление татарской общественности избавиться от ярлыка установителей жестокого «монголо-татарского ига» над русскими, традиционно подчеркивавшегося в учебниках истории советского периода. Но с другой стороны, при такой трактовке создается впечатление, что современные татары вовсе не являются наследниками Золотой Орды. Тем самым опять вычеркивается золотоордынский этап их этнической истории. О

таким подходе, прежде всего, свидетельствует содержание вузовского учебника «История России с древнейших времен до конца XVI в.», подготовленного Институтом российской истории РАН, в котором Золотую Орду стремятся именовать «Ордой», а его население – «ордынцами», хотя и не всегда последовательно – иногда «прорывается» и маркировка «татары» (История России 2000: 253). Такую же тенденцию мы видим и в других работах. Например, А.А. Горский «полчища Монгольской империи» периода походов на Запад – против Руси, европейских государств, называет то «монгольскими войсками», то «татарскими отрядами», объясняя такую двойственность их номинации тем, что «в Европе, включая Русь, монгольских завоевателей именovali «татарами» (Горский 2001: 42-43). При этом у всех отмеченных авторов вне анализа остается ключевой вопрос о динамике этнических процессов в Улусе Джучи, когда, условно говоря, на «входе» в XIII в. мы имеем монголоязычных монголов или смешанных «монголо-татар», а на «выходе» в XIV в. – только тюркоязычных татар.

На самом деле, похожая трактовка этнополитической истории Золотой Орды (Улуса Джучи) в отечественной историографии однажды уже наблюдалась – это было в 1940-х - 1950-х годах. Тогда указанные взгляды были связаны с укреплением в СССР имперской идеологии в ее советизированной форме. Отсюда вопрос: не связаны ли современные тенденции, характерные для части российской историографии, трактующей период Золотой Орды, со становлением новой имперской идеологии? То есть не начали ли некоторые круги историков страны, включая и академические, реанимировать старые

взгляды, согласно которым татарам было запрещено связывать свою историю с Золотой Ордой?

Отсюда ясно, что вопрос об этнической маркировке названия Золотой Орды, тесно связанный с проблемой формирования в рамках этого государства татарской средневековой этнополитической общности, заслуживает более детального рассмотрения.

Мнение о том, что Золотая Орда в ордынских источниках именовалась не только «Великим государством» (Улуг/Олуг улус) – так оно названо в послании хана Тохтамыша к Ягайло (1393 г.) (Березин 1850; Григорьев 1987: 40-41) –, но и «Монгольским государством», высказывал прежде всего российский историк А.П. Григорьев. Следовательно, чтобы разобраться в

о его каком-либо этническом определении. Таково состояние источников.

В XIV в. ситуация меняется. Кроме наименования «Улуг улус», появляющегося, как было отмечено, в конце этого столетия в послании хана Тохтамыша и написанного на тюркском языке уйгурским алфавитом, этническая маркировка государственно-организованного «народа» Золотой Орды находит отражение в двух группах ярлыков правителей Золотой Орды – русским митрополитам (сохранились на русском языке) и венецианцам (сохранились в переводах на латынь и на венецианский диалект итальянского языка). В обоих случаях возникает сложная проблема интерпретации переведенных смыслов, в т.ч. и связанных с этнической маркировкой «народа-государства». Скажем, в грамоте хана Бердибека 1357 г., практически синхронной (1351 г.) грамоте ханши Тайдулы и в нескольких более позднем ярлыке хана Мухаммет-Буляка (1379 г.) есть

на нас на латыни и итальянском, мы имеем дело с переводами. В них использован понятийный аппарат не составителей тюркоязычного (иногда – монголоязычного) оригинала, в некоторых случаях проходивших еще и стадию перевода на язык-посредник, например, на персидский, а представителей иной этноязыковой среды. А это порождает проблему учета влияния взглядов последних на переводимые категории, в том числе и относящиеся к этническим номинациям. А.П. Григорьев вынужден был констатировать этот момент при анализе ярлыка Мухаммет-Буляка (1379 г.), изначально написанного на тюркском. Он отмечает: «...восстанавливать в данном акте название страны в форме, принятой для документов, составлявшихся на монгольском языке (напомним, что и они на самом деле являются реконструкциями. – Д.И.), мы не можем..., название улуса Джучи в нем было другим (т.е. не «Монгольским улусом»). – Д.И.). Видимо, ре-

«Монгольское государство», как полагает А.П. Григорьев.

С другой стороны, не все так просто и со «[всем] народом монголов» [Allo pouolo di Mogoli; del pouolo deli Mogoli] из источников венецианского происхождения, ибо мы не можем не учитывать возможность влияния взглядов переводчиков при возникновении в них этого выражения. Вообще, появление в этих документах «народа монголов» довольно необычно. Скажем, у венецианца Марко Поло, долгое время жившего в XIII в. среди монголов, по отношению как к населению собственно коренного юрта монголов, так и Улуса Джучи, практически всегда употребляется этноним «татары». Такая же традиция, хотя иногда и не совсем последовательная, наблюдалась в XIII в. и у других авторов – европейцев (у Плано Карпини, Гильома Рубрика и др.). Хотя они предпочитали именовать монголов, в том числе и из Улуса Джучи, «татарами». Да и у венецианцев в XIV в., судя по одному из рассматриваемых документов золотоордынского происхождения, двойственность в номинировании населения Золотой Орды на самом деле сохранялась. В частности, в итальянском переводе ярлыка хана Джанибека (1347 г.) есть начальная фраза, написанная на латыни «In nomine Domini et Maomethi, profete Tartarorum». Если первая часть этой фразы, по справедливому замечанию А.П. Григорьева и В.П. Григорьева, есть богословский формуляр, состоящий из переводов в изложении коранических формул, завершающая ее часть должна быть переведена как «Пророк Татар (Татарский)».

Таким образом, переводчики данного золотоордынского ярлыка на самом деле понимали, что тюркское население Золотой Орды, включая его политически доминировавшее сословие с клановым делением, в XIV в. являлось «татарами». Отсюда получается, что «народ монголов» и «народ татар» (в лице «татарских улусных и ратных князей» и др.), это, на самом деле, одно и то же. Кстати, ярлык хана Узбека 1332 г., данный венецианцам и до сих пор хранящийся в Государственном архиве Венеции среди важнейших международных соглашений, при публикации в серии «Diplomatarium Veneto – Levantium» получил название «Pactum Venetorum cum Husbecho imperatore Tartarorum». Не исключено, что издатели документа при формулировании этого заголовка, отражающего существование татарской общности, учли какие-то старые архивные описи, так как названный ярлык хранился в материалах Венецианских ассамблей среди документов из серии «Commemoriali». В любом случае, понятие «Tartarorum» тут имеет тот же смысл, что и в ярлыке Джанибека 1347г.

Еще одно замечание. Когда А.П. Григорьев и В.П. Григорьев разбирают содержание ярлыка хана Узбека венецианцам от 1332 г., они приходят к выводу, что выражение «populi Venetorum» из документа означает «венецианский народ» как этническую общность (Григорьев, Григорьев 1990: 91). Если это так, то и в случае с «pouolo deli Mogoli» («народа монголов») мы имеем дело с аналогичной общностью, сформировавшейся в Золотой Орде. Она, однако же, как мы уже видели, с равным успехом может быть маркирована и как «народ татар».

Поэтому – «Великий улус» (Улуг улус) если и может трактоваться как «Монгольское государство», то только с учетом того, что с равным успехом он может быть назван и «Татарским государством».



этом вопросе, надо обратиться к анализу доказательной базы именно этого исследователя.

Начнем с того, что для XIII в. какая-либо этническая маркировка наименования Улуса Джучи в аутентичных документах не сохранилась. Единственная жалованная грамота хана Менгу-Тимура митрополиту Кириллу 1267 г., дошедшая до нас лишь в русском переводе, в указанном плане непредставительна. Правда, в одной из своих ранних работ А.П. Григорьев высказывал предположение, что выражение «людским», шедшее в этом ярлыке, как он тогда полагал, как определение к словам «баскакам и князем», обозначало термин «улус» со значением «народ», «люди», «страна», отсюда – «улусный» (Григорьев 1987: 42). Далее следовала следующая логика: так как средневековые русские источники не знали этнонима «монгол», вместо него всегда употребляя термин «татар», имея в виду, что Монгольская империя официально именовалась «Великим монгольским государством» («Еке монгол улус», по-тюркски в первой половине XIII в. – «Улуг монкул улус»), в ярлыке Менгу-Тимура значился не просто «улус», а «Монгольский улус», т.е. «Монгольское государство» (Григорьев 1987: 39-40, 42). Но в своих новых работах он от этого вывода отказался, заявив, что русский редактор под этим термином понимал «светских, мирских», подразумевая «гражданских даруг-князей», поэтому сочетание «людским баскакам и князем» можно передавать сочетанием «городов и селений даругам-князьям» (Григорьев 1990: 76; Григорьев 2004: 24-25.). Таким образом, применительно к XIII в. мы не можем говорить даже об использовании в аутентичных источниках применительно к Улусу Джучи обозначения «улус», не говоря уже

выражение «татарским улусным и ратным князем» с добавлением других категорий представителей золотоордынской администрации (Григорьев 2004). Первоначально эти грамоты, сохранившиеся на русском языке, были написаны на тюркском языке уйгурским алфавитом (Григорьев 2004: 210, 214). Выражение «татарские улусные и ратные князья» и т.д., интересно тем, что в ярлыке хана Джанибека (1374 г.) венецианцам и в ярлыке хана Бердибека (1358 г.) им же, ему соответствуют сочетания: в первом случае – «Allo pouolo di Mogoli», во втором «del pouolo deli Mogoli», в буквальном переводе являющиеся обращением, как в случае с «татарским улусным и ратными князьями», к государственно-организованному «народу», в данном случае – «к [всем] народу монголов [моголов]», структурированному на разные властные уровни. Поэтому прав А.П. Григорьев, делающий заключение, что «элемент «к народу монголов» равнозначен элементу «татарским улусным» (Григорьев, Григорьев 2002: 89). Но дальнейший вывод этого автора, утверждающего, что в выражении «к народу монголов» надо усматривать «официальное название Золотой Орды, которое в сохранившихся оригинальных текстах ордынских и крымских ярлыков стояло в родительном падеже – «Монгольского государства», вызывает обоснованное возражение.

Во-первых, в отмеченных ярлыках присутствует лишь выражение «Великий улус» (Улуг улус), а его приравнение к понятию «Монгольское государство» является не более чем результатом весьма спорных реконструкций А.П. Григорьева. Во-вторых, как в случае золотоордынских ярлыков, сохранившихся на русском языке, так и ярлыков, дошедших до

доктор сборника русских переводов унифицировал начало обращения в ярлыке ..., подогнав его под текст ярлыка Бердибека». Как видим, исследователь при попытке интерпретации вопроса о реальном названии государства или государственно-организованного народа, отраженном в ярлыке от 1379 г., вынужден перейти на зыбкую почву предположений. Если сюда еще добавить, что в лице так называемого сборника ханских ярлыков русским митрополитам мы имеем дело с его двумя редакциями – первой половины XV в. и более поздней – 40-х годов XVI в., подвергавшихся различным редакционным изменениям, ситуация еще более усложняется. Приведем конкретный пример, доказывающий это: в некоторых изданиях в ярлыках ханши Тайдулы 1351 г. и хана Мухаммет-Буляка 1379 г. вместо выражения «татарским улусным» стоит сочетание «Ординским [и] улусным». Несмотря на то, что эти сочетания являются синонимами, немедленно возникает вопрос о том, какая форма является «изначальной»? Вопрос не прост, так как представления редакторов сборника, составивших его в первой половине XV в. и спустя столетие – в первой половине XVI в., по поводу переведенной выше двумя способами категории, могли различаться. Как в таком случае докопаться до значения соответствующих мест, присутствовавших в тюркском (или, возможно, монгольском) оригинале? По-видимому, учитывая именно данное обстоятельство, издатель краткого собрания ярлыков татарских ханов московским митрополитам А.А. Зимин, выражение «татарским улусным» из рассматриваемых золотоордынских документов предпочел определить как перевод термина «Великий улус» (Памятники, 1955: 473), а не

Сыны Отечества

Роберт НИГМАТУЛИН,
академик РАН

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит.
Шумит, не умолкая память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.

Давид Самойлов

Прежде, чем начать свое повествование, хочу предупредить, что я не был близким другом Зиннура Газизовича Ураксина. Мы с ним, наверное, сильно различались, потому что прожили разное детство и юность в разной среде. Но он всегда вызывал у меня уважение и интерес, потому что его юность была похожа на юность моего отца и дедов. Родился Зиннур Ураксин 5 ноября 1935 года в башкирской деревне Максютново Тюльганского района Оренбургской области. Окончил Мраковское педучилище, Башкирский государственный университет и аспирантуру Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Работал учителем в деревне Саитово Федоровского района, журналистом в районной газете, научным работником в институте истории, языка и литературы.

Чтобы стать научным работником и стать научным лидером, не обязательно происходить из интеллигенции. Многие ученые мира вышли из рабочей-крестьянской среды. Такими были мои два деда, мой отец, таким был мой учитель академик Халил Ахмедович Рахматуллин. Я иногда задаюсь вопросом – а сумел бы я пробиться, если я был в их положении. А им было тяжелее, чем мне. Поэтому таких людей я всегда уважал и им доверял.

Первый раз я увидел Зиннура Газизовича в 1991 году на собрании учредителей Академии наук Республики Башкортостан (АН РБ), на котором в числе десяти ученых из России и других республик СССР я был избран почетным академиком создающейся АН РБ. На тот момент я работал в Тюмени и был членом-корреспондентом АН СССР. После этого мы, первые почетные члены АН РБ, тайным голосованием избрали из числа учредителей первых действительных членов (академиков) АН РБ. Среди этих первых академиков был Зиннур Газизович Ураксин, директор Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР. В декабре 1991 года я стал академиком РАН, а чуть позднее в 1992 году состоялось первое общее собрание АН РБ, где я председательствовал, и на котором был избран первый президент АН РБ О.А. Кайбышев. З.Г. Ураксин был избран академиком-секретарем отделения гуманитарных и общественных наук.

В январе 1993 года меня назначили председателем Уфимского научного центра РАН (УНЦ РАН). З.Г. Ураксин стал моим заместителем и курировал научные учреждения УНЦ РАН, занимающиеся гуманитарными и общественными науками.

На первой же встрече с научной общественностью в мае 1993 года профессор философии Башкирского университета (БГУ) Дамир Джаватович Валеев задал мне вопрос:

- Роберт Искандерович, а как Вы мыслите деятельность Российской академии наук в суверенной Республике Башкортостан?

Вот таково было состояние некоторых умов в те годы...

Летом 1993 года я со своей семьей отдыхал в санатории Янган-тау, где также со своей супругой Венерой ханум – тезкой моей супруги – отдыхал Зиннур Газизович. Там мы и начали наше личное знакомство.

Позднее в 1996 году АН РБ провела первую научно-практическую конференцию в Сибире, на которой собрались сотрудники администрации, учителя школ, врачи и других учреждений юго-восточных районов Башкортостана. После конференции мы вместе с Зиннуром Газизовичем возвращались из Сибири на автомобиле, посетив археологический лагерь. Путешествие было долгим, и мы имели возможность поговорить о многом. Он, в частности, рассказал о своей жизни – о том, как он деревенским парнем ходил в школу в соседней деревне.

Во время этой поездки, в частности, он рассказал, что в башкирском диалекте его родной деревни на севере оренбургской области множественное число существительных образовывалось, как и на татарском языке с помощью окончания – «лар», а не – «тар»,

«дар», «зар» в зависимости от последней буквы корня, предшествующего этому окончанию. Рассказал он также об особенностях башкирского диалекта на северо-востоке Башкортостана, в котором было гораздо меньше отличий от татарского языка, чем в официальном башкирском языке. У меня сложилось убеждение, что при разработке официального башкирского языка разработчики выбрали тот диалект и те грамматические конструкции, которые отдаляли башкирский язык от татарского. Даже количество букв башкирского алфавита существенно превышает количество букв в татарском алфавите, а в татарском оно существенно больше, чем в русском, что создает трудности для машинного и компьютерного печатания текстов. Тексты, написанные башкирской орфографией, трудно читать тем, кто привык к татарской. И, наоборот, тем, кто привык к башкирской орфографии, трудно читать татарскую орфографию. А это существенно сокращает число читателей татарских и башкирских произведений, потому что татары читают только татарскую литературу, а башкиры – только башкирскую. Хотя общность устной речи такова, что башкирский театр помещается и татарами, а татарский – и башкирами. И нет никакой необходимости переводить устную башкирскую речь на татарскую и устную татарскую речь на башкирскую. А татарский классик Габдулла Тукай и башкирский классик Мажит Гафури общались на одном языке и писали на одном шрифте.

Мне представляется, что, стараясь сохранить особенности и различия татарского и башкирского диалектов татарско-башкирского языка, следует это делать не формально, а по существу. Нужно продуманно и встречно (как со стороны татарского, так и башкирского) постепенно сближать, а может и сделать одинаковыми алфавиты, чтобы пользоваться общим компьютерным шрифтом, сближать орфографию слов. Надо уйти от избыточно фонетической орфографии, принятой в 1930-е годы, от всех придуманных в 1930-е годы букв, в том числе, с черточками и хвостиками. И это должно быть предметом совместной деятельности ученых Башкортостана и Татарстана. Причем не только башкирских и татарских филологов, но и филологов, изучающих европейские языки, математиков и историков. Задача очень трудная, но ее надо решать. Наука должна не плестись за «народом», не только «обслуживать народ», но и давать ему правильные ориентиры.

Всякая письменность объединяет разные диалекты и разные фонетические варианты. Поэтому во всяком развитом языке пишут не обязательно точно так, как произносят. Больше количество звуков, чем букв, следует обеспечивать комбинациями букв. Наиболее ярко это используется в английской орфографии. Орфография должна объединять разные диалекты, а не разъединять. Пример – китайский язык – язык 1500 миллионов людей. Причем устная речь в разных крупных провинциях настолько различается, что жители разных провинций (вокруг Шанхая, Пекина, на Тайване и др.) не понимают устную речь друг друга. Хотя имеется официальный общий ханьский диалект. Но только общая письменность, абсолютно не фонетическая, основанная на иероглифах, производимых совершенно по-разному в разных провинциях, объединяет 1500 миллионов людей, называющих себя китайцами. А мы татары и башкиры составляем вместе всего около 7 – 8 миллионов человек, которые разбросаны по всей России в окружении носителей главного языка России. И свою деятельность осуществляем в основном на русском языке. В городах значительная часть татар и башкир создали интернациональные семьи с русскими или русскоязычными. При этом значительная часть татар и башкир не говорят на своем языке. И в этих условиях несколько десятков башкирских и татарских «квазипатриотов», иногда имеющих даже профессорские звания, из-за агрессивного недомыслия разъединяют наш замечательный татарско-башкирский или башкирско-татарский язык.

Как-то я пригласил для беседы одного из товарищей Зиннура Газизовича

Воспоминания об академике УРАКСИНЕ



профессора Марата Валеевича Зайнуллина, заведующего кафедрой башкирского языка БГУ. Его башкирская речь, его башкирское произношение мне особенно нравились. Марат Валеевич мне показал автореферат своей докторской диссертации, защищенной в Казани много лет назад. Ее название – «Категория модальности в башкирском языке». Я его тут же спросил: «Чем категория модальности в башкирском языке отличается от категории модальности в татарском языке?». Его ответ меня восхитил и подтвердил мои вышеприведенные соображения: «Роберт Искандерович, башкирский язык ничем не отличается от татарского!» Конечно, я понимал, что это высказывание следует понимать не буквально, а в достаточно широком смысле. Оно верное, если на языки смотреть не с позиций «своего района и деревни», а с позиций реального положения татар и башкир, понимания нынешней общности башкирского и татарского народа. Нужно нашим татарским и башкирским филологам и историкам осознать, что ежегодно в мире исчезают 10 языков, и 90% населения мира говорят всего на 25 языках. Русский язык в эти 25 языков входит, а татарский и башкирский нет.

Зиннуру Газизовичу был чужд показной и агрессивный квазипатриотизм. Он был творческой личностью, а не догматической. Наверное, этому способствовало его высшее образование: он закончил филологический факультет университета на отделении русского языка. То есть стал специалистом своего родного башкирского языка на мощном фундаменте русского языка. Он, как специалист, одинаково владел башкирским и татарским языками. Кроме того, в совершенстве знал еще и турецкий.

Он готов был обсуждать любую идею, но это не значит, что его легко было уговорить соглашаться.

Когда я стал по совместительству и президентом АН РБ некоторые «идеологи суверенитета» ставили вопрос о создании своих институтов в системе АН РБ гуманитарного, социального и аграрного направлений. В частности, предлагали перевести Институт истории языка и литературы УНЦ РАН

в систему АН РБ. Предлагали разбить ИИЯЛ на два института: институт истории и институт башкирского языка. В Президиуме РАН перевод ИИЯЛ из РАН в АН РБ были готовы поддержать. Я не поддерживал эту идею, потому что, во-первых, для этого, отказываясь от средств федерального бюджета, нужно было найти устойчивое и долгосрочное финансирование из республиканского бюджета. Во-вторых, и это главное – нельзя отрывать науку о башкирском языке и историю Башкортостана от общероссийской науки. Такой отрыв гуманитарных исследований от отделения гуманитарных наук РАН, от внимания ведущих ученых России неизбежно привел бы к изоляции и снижению уровня исследований, к усилению влияния квазипатриотов и избыточной подчиненности гуманитарной науки Башкортостана республиканской администрации. Но квазипатриоты давили. З.Г. Ураксин и коллектив института не хотел ухода из РАН. Особенно сильно давили некоторые профессора Башкирского государственного университета и отдельные сотрудники администрации президента РБ, далекие от академической науки и более зараженные вирусом квазипатриотизма. Причем давили на З.Г. Ураксина, который был по совместительству профессором БГУ, давили, используя демагогию типа: какой же ты основатель и член башкирской академии наук, если даже свой институт не

переводишь в Башкирскую академию наук. Если бы не позиция З.Г. Ураксина и коллектива Института, я, наверное, тогда не сумел устоять и согласился бы на перевод ИИЯЛ из УНЦ РАН в АН РБ, т.е. из одной подведомственной мне организации в другую подведомственную мне организацию. Но Президент РБ М.Г. Рахимов в то время еще на меня не давил, мне доверял, и я не позволил сделать ошибочный шаг. И позиция З.Г. Ураксина была здесь определяющей.

Позже уже после избрания меня Президентом АН РБ квазипатриоты под флагом «выполнения указа президента РБ» продолжали выдвигать свои требования об организации собственного института башкирского языка, башкирской истории и социальных исследований в «интересах суверенной Республики Башкортостан». В 1997 году ко мне пришли З.Г. Ураксин и М.А. Ильгамов, мой заместитель по УНЦ РАН и АН РБ, понуро и с печалью сказали, что ИИЯЛ придется переводить из УНЦ РАН в АН РБ. Что случилось, что они не выдержали напора, кто на них надавил, они мне так и не сказали. Но тут уже проявил волю я и сказал, что бы они держались и не боялись квазипатриотов и что мы вместе выдержим их напор.

Наши противники писали письма М.Г. Рахимову, опубликовали лживую статью в «Комсомольской правде», направленную против меня, моих коллег, в том числе и З.Г. Ураксина. Они поставили вопрос о состоянии АН РБ на заседании исполкома Всемирного Курултая башкир – общественной организации, где председателем был профессор истории, ныне вице-президент АН РБ Н.А. Мажитов, а заместителем председателя З.Г. Ураксин. Зиннур Газизович выступил категорически против такого обсуждения Академии наук РБ в общественной организации, где преобладают люди, далекие от науки. Но его не послушались. Доклад об АН РБ при моем отсутствии (меня даже не пригласили) сделал Д.Л. Рахманкулов, не несший никакой ответственности в АН РБ и не имеющий никакого отношения к Курултаю башкир. В результате было составлено обращение к М.Г. Рахимову с требованием о моем снятии

с должности и.о. президента АН РБ. З.Г. Ураксин написал письменное заявление, что он в знак протеста выходит из исполкома Курултая. Это был мужественный шаг большого ученого.

Интересно, что двумя годами позже я получил благодарность от того же исполкома Курултая башкир, подписанную тем же Н.А. Мажитовым, за мои выступления по официальному статусу башкирского языка.

Надо знать то идеологическое и моральное влияние, которое порой имеют национальные сообщества среди татар и башкир, в которых наибольшую «политическую» активность проявляют квазипатриоты. Их крикливость многократно превышает их достижения и вклад в развитие своей нации, и они способны шумно представлять неугодного предателя своей нации. Нормальные люди не любят скандалов и побаиваются выступать против них. Я помню, как в 1995 году ко мне пришел руководитель татарской общественной организации в Уфе К. Юшев и потребовал, чтобы я не снимал с должности упомянутого выше Х.Н. Гизатуллина (татарина). В противном случае, пригрозил он, что татарская общественность добьется, чтобы меня выдворили из Башкортостана.

После 1995 года – года реорганизации АН РБ я намеревался предложить М.Г. Рахимову и Обществу собранию кандидатуру нового президента АН РБ. Мне хотелось быть более свободным для научной деятельности. Первым, на ком я остановился, был З.Г. Ураксин.

Зиннур Газизович был городской личностью. Часто благородство связывается с «благородной» внешностью и «благородными» манерами. Он, как раз, обладал не этими внешними атрибутами, а благородством поведения и мыслей, благородством надежности. Иногда совершенно беззлобно один из моих коллег называл его: крестьянский сын. Хотя я имею дворянские корни, один дед был известным учителем, отец профессором, являюсь и крестьянским внуком. Думая о таких людях как Зиннур Газизович, я горжусь общим с ним крестьянским происхождением и могу, как тургеневский Базаров сказать, что «мой дед землю пахал».

З.Г. Ураксин никогда не подхалимничал и мог жестко высказаться против предложения руководителя. Он был надежным. Умных много, надежных мало. Это высказывание, несмотря на то, что умных тоже не много, – очень актуально. Не таков был Зиннур Газизович. Он никогда не «бегал» и не суеуслился.

Один раз З.Г. Ураксин жестко высказал свое возмущение мне тем, что завершающую фазу выделения отделения народов Урала УНЦ РАН, руководимого членом-корреспондентом РАН Р.Г. Кузеевым, из структуры ИИЯЛ я провел без согласования с ним. Это решалось в Москве в отделении истории, руководимом академиком А.А. Фурсенко, и в Президиуме РАН. Времени было в обрез, и я все провел без последних согласований с З.Г. Ураксиным. Я очень сожалел, что так произошло. Это была единственная размолвка между нами. Здесь же замечу, что отношения между двумя выдающимися людьми З.Г. Ураксиным и Р.Г. Кузеевым были очень натянутыми, хотя это никогда не выплескивалось наружу.

Зиннур Газизович был спокойным, немногословным человеком. Я часто с интересом наблюдал, как этот скромный, коренастый, невысокого роста мужчина, преображался,

когда на праздничных вечерах начинали звучать башкирские мелодии – он самозабвенно и задорно, с чувством ритма танцевал башкирские народные танцы. Я помню, что как-то в одном из первых вечеров, когда мы в Президиуме на К. Маркса, 6 отмечали какой-то праздник, заиграла башкирская мелодия, и Раиль Гумерович Кузеев мне шепнул не без ехидства, что сейчас пойдет в пляс Зиннур Газизович. И действительно Зиннур Газизович начал свой танец. И я сразу заметил, что он не только выполнял танцевальные движения. Он жил в своем танце, в душе возвращаясь в свои детские годы. Помню, узнав, что моя дочь Карима осваивает башкирский язык, он подарил моей дочери несколько небольших детских книжечек, написанных им на башкирском языке, т.е. он еще был и писателем.

За время нашей совместной работы З.Г. Ураксин давал мне характеристики на коллег, которых я выдвигал на повышение, и иногда эти характеристики мне тогда казались неточными. События показали, что он всегда оказывался прав.

В 2001 году З.Г. Ураксин пришел ко мне и заявил, что по состоянию здоровья не будет баллотироваться больше на пост директора Института. Институту нужна свежая кровь, – сказал он. Я попытался в мягкой форме уговорить его остаться, но он очень определенно сказал, что принял окончательное решение.

Через некоторое время Зиннур Газизович тяжело заболел. После длительного лечения он восстановил речь, и я успел с ним поговорить по телефону. Это был наш последний разговор.

Сейчас этот институт носит его имя – Ураксина. Возглавляет его профессор Фирдаус Гильметдиновна Хисаметдинова.

В конце 2006 года я стал директором одного из самых больших институтов РАН – Института океанологии им. П.П. Ширшова, а еще позднее и заведующим своей «родной» кафедры газовой и волновой динамики на механико-математическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Я окунулся в новую и очень интересную работу и думаю, что как хорошо, что я без опоздания для новой деятельности завершил свою работу в Уфе. Но раз в один-два месяца я приезжаю в Уфу, так как в Институте механики работает моя группа многофазных систем.

В один из приездов в марте 2007 года поздно ночью в аэропорту встречающий меня водитель сообщил, что скончался З.Г. Ураксин и что утром будет прощальная панихида. Когда я утром вошел в новый корпус УНЦ, то увидел, что собралось много народа. После завершения панихиды образовалась очередь к сидевшей рядом вдове – Венере-ханум и тихо выражал ей свои соболезнования. Она, сидя безутешно, слушала. Настала моя очередь, я положил цветы и подошел к ней. Венера-ханум, увидев меня, неожиданно сразу ВСТАЛА. Я обнял ее и сказал несколько слов о том, что я очень уважал Зиннура Газизовича, что я ей сочувствую.

То, что ОНА ВСТАЛА, подчеркиваю – неожиданно для меня, в такой скорбный момент, стала для меня самой чувствительной, а в этот печальный момент и пронзительной наградой за мои ТРИНАДЦАТЬ БАШКИРСКИХ ЛЕТ.

Я почувствовал, что З.Г. Ураксин относился ко мне с особым уважением, о чем он, будучи очень сдержанным человеком, никогда мне не говорил. Не говорил ему о своем особом к нему уважении и я.

Полина САМОХИНА, искусствовед

Уральск – колыбель поэта

Уральск – поэтическая родина Тукая. Именно здесь, в далеком от Казани казахстанском городе, состоялось становление великого татарского поэта. Он прожил здесь двенадцать из отведенных Аллахом 27 лет. В город на Урале Тукай приехал девятилетним мальчиком, а уезжал спустя двенадцать лет признанным поэтом и публицистом. На этой земле он выучился грамоте, русскому и арабскому языкам, написал свои первые произведения. Становление поэта произошло в основном благодаря его доброму учителю и наставнику Мутыгулле Тухватуллину, имаму Красной мечети, мударрису медресе «Мутыйгия», принявшего осиротевшего мальчика в свою семью. Тухватуллины были своеобраз-

ным культурным центром, вокруг которого спланировалась городская интеллигенция. Все члены этого удивительного дома, играли на музыкальных инструментах, обсуждали новости литературы и искусства. Не случайно именно в этой среде зародился талант Габдуллы Тукая. Здесь он познакомился с дочерью Тухватуллина – будущей народной артисткой РТ Галией Кайбицкой, а с его сыном Камилем обсуждал планы выпуска газет. С 1900 года они пе-



Камиль Тухватуллин

чатили одну из первых газет на татарском языке – «Фикер» («Мысль») и журнал «Уклар» («Стрелы»). Одновременно на русском языке выпускали «Уральский дневник». Тукай стал их редактором и автором многих материалов. Эти печатные издания в те годы пользовались большим спросом и успехом во всех уголках Российской империи и за ее пределами.

Идея восстановления дома имама Мутыгуллы Тухватуллина и создания в нем музея Габдуллы Тукая принадлежала старейшим татар этого городка. Сейчас возрожденный дом имама Тухватуллина принимает гостей. В музее воссоздана обстановка начала прошлого века. Здесь очень много подлинников, в том числе один из первых номеров газеты «Уральский дневник» столетней давности, где печатался молодой Тукай, сохранился и печатный станок, за которым стоял будущий классик, работая наборщиком в типографии. В доме имама все помнит поэта. И лестница, и кабинет учителя, и окна, и дверь на балкон, где Тукай правил статьи и любовался закатом на Чагане. И крепкие двери при спуске в полуподвал, в типографию.

Неоценимую роль в формировании коллекции музея сыграл прямой потомок рода Тухва-



Экспонаты музея

туллиных, правнук Мутыгуллы эфенди и внук Галии Кайбицкой – Ильяс Айдаров. Ильяс, как и все его предки, личность незаурядная, творческая. Труд его признан не только на родине, но и за рубежом. Народный художник РТ, заслуженный деятель искусств РТ, член-корреспондент Российской академии художеств, академик Международной академии культуры и искусства, лауреат конкурсов и участник многочисленных выставок – Ильяс продолжает творческую династию. Сердцем и душой болеет он за сохранение традиций, за воссоздание истории. Долгом че-



Галия Кайбицкая

сти художник счел восстановление могилы прадеда Мутыгуллы Тухватуллина, похороненного на заброшенном сельском кладбище в Уральске.

Благодаря Ильяс, музей обрел множество новых экспонатов в виде картин художника, где изображены его прадед с приемным сыном Габдуллой Тукаем, портреты Камилля Тухватуллина и Галии Кайбицкой – примадонны оперной сцены, виды Уральска тех времен, зарисовки на тему детства поэта и т.д.



Сайяр Айдаров у дома деда Мутыгуллы Тухватуллина



И.Айдаров у могилы прадеда

Поэтическая гостиная

Зайтуна МАВЛЮДОВА

ЗНАКОМСТВО
С ГАБДУЛЛОЙ
ТУКАЕМ

С того момента, когда в татарском издательстве начали появляться первые стихи Тукая, я с особым воодушевлением и восторгом читала их и с нетерпением ждала следующих. Захотелось познакомиться с поэтом, пишущим такие глубокие, правдивые, великолепные произведения, и услышать их из уст самого автора. В то время мы из Чистополя переехали в Казань (мне было около 14-15 лет). У меня была старшая сестра, разделявшая мой смелый замысел.

Мы с ней начали искать пути к знакомству. Наше желание дошло до ушей Фатиха Амирхана.



З. Мавлюдова с подругой. 1913г.

Как-то я оказалась в гостях у своих знакомых, родственников Ф. Амирхана. Фатих абый был у них. Конечно же, я не вошла к нему в комнату, но он сам поинтересовался мною. Ему объяснили, что я та самая смелая девушка из Чистополя, которая хочет познакомиться с Тукаевым.

Для знакомства с поэтом вначале нужно было познакомиться с Фатихом Амирханом. А он, в свою очередь, пообещал познакомить с поэтом, и посоветовал почаще появляться в редакции. Очень долгое время мы не могли застать там Тукая.

Был прекрасный весенний день. Мы направились в гости и, проходя мимо редакции газеты «Аль-Ислах», увидели в окне Фатих абый, который после приветствия сообщил о скором прибытии Тукая в редакцию и попросил нас поскорее вернуться. В гостях побывали совсем недолго: сестра Фатих абый прибежала за нами с известием о появлении в редакции Тукая.

Когда мы пришли в редакцию, Г. Тукай, Фатих абый и Вафа Бахтияров играли в карты. Тукаев сидел спиной к двери, в пиджаке, без головного убора. При нашем появлении он мельком взглянул на нас, затем Фатих абый представил нас друг другу.

Тукай был немногословен, расспросил о здоровье и продолжил игру.

Вторая встреча была короткой.

Я с сестрой шла по нынешней улице Тукая, мимо проехал трамвай, через открытое окно трамвая кто-то нам поклонился. Это был Тукай. Мы ответили на приветствие и помахали руками.

Третья встреча. Если не изменяет память, организовывали литературный вечер в пользу окончивших медресе студентов.

В это время мы с сестрой у редакции «Аль-Ислаха» встретили Тукая. Он долго с нами разговаривал, пригласил на литературный вечер, а сам был каким-то несмелым, старался не смотреть в глаза. Я пыталась продолжить разговор и таким образом удержать его.

Четвертая встреча произошла на литературном вечере в зале Купеческого собрания, нынешнем Театре юного зрителя.

На этом вечере Сагит Рамеев и Тукай читали свои стихи. В антракте я, поздравив Тукая и Рамеева с успехом, осыпала их конфетти. Мы долго разговаривали с Тукаем.

Пятая и последняя встреча.

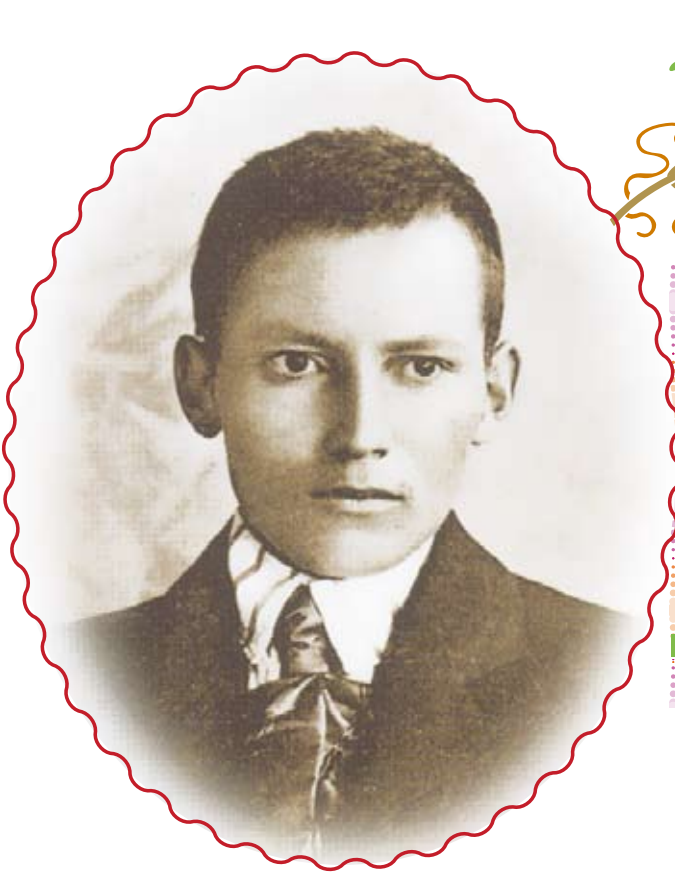
В 1908 году мы решили переехать обратно в Чистополь и в день отъезда отправились в редакцию, чтобы проститься с Тукаем. В редакции было многолюдно, поэтому Тукаева вызвали на улицу.

Когда ему объяснили причину нашего визита, он выразил сожаление по поводу скорого отъезда. Сообщив ему время отплытия парохода и его название, мы расстались.

Несмотря на то, что Тукай обещал нас проводить, мы его там (на причале. – Р. Н.) не встретили. То ли он не пришел, то ли мы его не увидели, не знаю. После этого я Тукая не видела.

15.04.44

Перевод с татарского Р. НАГИМУЛЛИНОЙ



Михаил СКОРОХОДОВ

ПУШКИН И ТУКАЙ

Прими, как дар, прекраснейшие строки,
Храни в душе, любимой вслух читай.
Учители, волшебники, пророки –
У русских Пушкин, у татар Тукай.

Есть две страны – Кырлай и Лукоморье,
Они чудес и сладких тайн полны.
О, как нам любы – до сердечной боли! –
Навеянные гениями сны.

В ночной тиши приходит кот ученый,
Златая цепь звенит в прозрачной мгле.
Шумит, шумит кырлайский бор зеленый,
И бродит по урману шурале.

Свои святыни, гордость поколений,
Народ народу преподносит в дар:
Становятся все ближе, все роднее
Тукай для русских, Пушкин для татар.

Шаукат ГАЛИЕВ

Березы Тукая

Посадил он в деревне однажды
две березы из чащи лесной.
Не страдали деревья от жажды –
поливал их водою речной.

Он выхаживал нежные стебли
как детишек – умелая мать.
Подросли близнецы и окрепли
и остались на свете стоять.

Не сломали ни стужи, ни грозы,
зеленеть бы десятками лет...
...Отчего-то погибли березы
в тот же год, что и гордый поэт.

Перевод с татарского Сергея МАЛЫШЕВА

Марк Зарецкий

День поэзии

Поэта жизнь короткая такая,
Был смертельный бой, великий труд.
Недаром день рождения Тукая
В Казани днём поэзии зовут.

Не зря у здания оперы в Казани
Всегда проходит этот день весной.
Державин и Джалиль – незримо с нами,
Тукай и Пушкин здесь – к спине спиной.

Театр героя и лауреата –
Об этом нам поведает фасад.
За зданием, где теперь фонтан когда-то
Был сад державинский, Бакыр-бабая сад.

А по бокам поэзии солдаты –
к спине спиной Пушкин и Тукай.
Рожденья только безусловны, даты,
Не умертвили лиру и курай.

И речка чёрная и царедворца ода,
Больница Клячкина, фашистский Моабит.
Окружено поэзией народа,
Монументально здание стоит.

А у поэтов лёгкая походка,
И оборвать певучий разговор.
Ни пистолет не в силах, ни чахотка,
Ни наша глупость, ни чужой топор.

СТИХИ
о Габдулле
ТУКАЕ

Желая быть не лакомством, а хлебом,
От площади Свободы в двух шагах.
Созвучны под одним открытым небом
Стихи на двух несхожих языках.

Лилия ГАЗИЗОВА

ДОМ

Я прожила в нем двадцать лет –
Старинном, трехэтажном, красном.
А век назад здесь сам Тукай
Сгорая, вспоминал о разном.

И часто в прошлое меня
Бессонница переносила.
Поэт глядел на небеса,
От их сияния счастливый.

Я видела, как врач входил.
В его глазах таилась жалость.
А солнце сотнями лучей
В окне напротив отражалось.

И я поверить не могу,
Что время и судьба бесстрастны...
Я прожила в нем двадцать лет –
Старинном, трехэтажном, красном.

Сергей МАЛЫШЕВ

СУДЬБА

Я купил бесстрашье дорогой ценой...
Габдулла Тукай

Когда б здоровьем он не пренебрег
и подыскал себе уютнее квартиру,
побольше, мог бы написать...
Не мог.
Стихи другие бы тогда остались миру.
Он сжег себя. Зачем?
А потому,
что захотел сгореть.
И можно ли, не знаю,
с аршином нашим подходить к нему,
жизнь обстоятельствами жизни объясняя.
Он был поэт.
Иначе говоря,
стихи – его судьба.
А что для них полезней,
ему видней, горевшему не зря,
с железной логикой –
небесной.

Равиль БУХАРАЕВ

КЫРЛАЙ – КЫРЛЫК

Не так желал сердца глаголом жечь,
как выжечь прочь
расчетливость купечью,
татарскую отеческую речь
продолжив русской
выстраданной речью...

Кто мне указ –
что можно, что нельзя?

Скользя с Горы,
под облака взлетая,
двойная привела меня стезя
в нагорные селения Алтая.

Здесь
вспомнил про Кырлай
в селе Кырлык –
не древней тюркской памяти в угоду:
так выразил
второй родной язык
мое родство – алтайскому народу.

И путь скользил сквозь горные леса,
ни лепестка не повредив при этом,
и выше – были только небеса,
сверкающие беспощадным светом.

Неизвестное об известном

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р.С.,
Председатель Редсовета. Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик Российской академии медицинских наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х.Ч.
доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р.М.
президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Володарская Э.Ф.
член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАН

Давлетшин Г.М.
доктор исторических наук, профессор Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

Нигматуллин Р.И.
член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, директор Института океанологии РАН

Рыбаков Р.Б.
академик, востоковед

Сейфуль-Мулюков Ф.М.
член правления «Ватаным», журналист-международник

Смаков Р.М.
член правления «Ватаным», зам.председателя Верховного Суда РФ в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации

Табеев Ф.А.
член правления «Ватаным», в прошлом многолетний руководитель Татарской АССР, посол СССР в Афганистане, первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР

Тишков В.А.
директор Института этнологии и антропологии РАН, академик РАН

Фатхтдинов Ф.К.
главный редактор республиканской общественно-политической газеты Башкортостана «Кызыл Тан», кандидат филологических наук (Уфа)

Художник, не получивший в молодости профессионального образования, переменил ряд профессий, не имевших отношения к искусству. Сын пастора, он в 1869-1876 годы служил комиссионером фирмы по торговле произведениями искусства и путешествовал по Европе, в 1876г. был учителем в Англии. С мая 1877г. по октябрь 1880г. обучался в миссионерской школе в Лакене (около Брюсселя) и занимался проповеднической деятельностью среди горняков Боришажа (Бельгия), где, осознав свое художественное призвание, начал систематически рисо-

да он увлекся интенсивным, присущим лишь ему, смешиванием белых и желтых красок: палитра Ван Гога стала чрезвычайно светлой, появились золотисто-желтые, светло-голубые краски. Все это нашло отражение в его знаменитых полотнах из серии картин с изображением подсолнухов (1887-1888 годы). Там он основательно познакомился с синтетическими произведениями Поля Гогена, позже в драке с которым, как говорит легенда, лишился части уха. Другая легенда говорит, что когда перед астрономами стояла проблема, чьим именем



полотен Ван Гога под мощным электронным микроскопом, направляя в них тончайший пучок специальных рентгеновских лучей, полученных непосредственно из крупнейшего в мире Европейского синхротрона радиоактивных исследований структуры материалов (ESRF). В результате учёные выяснили, что солнечные лучи проникают на очень небольшой слой красок полотна, измеряемых лишь микрометрами. Тем не менее, как полагают экспериментаторы, именно это явление и вызывает сложную, пока ещё до конца не уточнённую химическую реакцию во всей структуре полотна. Вывод учёных: именно эта комплексная химическая реакция, происходящая в первичной краске структуры полотна может привести к постепенному разрушению шедевров голландского живописца.

Юлдуз ХАЛИУЛЛИН

СПАСАТИ ШЕДЕВРЫ

Смогут ли ученые

ВЕЛИКОГО ГОЛЛААНДЦА?

вать. Увлекаясь поначалу рисунком, Ван Гог лишь в 1881 обратился к живописи маслом.

Искусствоведы и поклонники творчества Винсента Ван Гога (1853-1890) в последние годы стали замечать, что доминирующий в его знаменитых полотнах золотистый светло-жёлтый цвет с некоторых пор стал заметно «тускнеть», приобретая более коричневатый цвет. Засуетились научная общественность, эксперты и историки искусства – они стали более детально анализировать его творческие вехи, длившиеся по-существу не более десяти лет. При этом особое внимание уделяется парижскому периоду его жизни и общению с видными французскими художниками, разделяющими его идеи относительно новых средств изобразительного искусства.

Блестящий знаток трёх ведущих европейских языков – французского, английского и немецкого, курировавший между Лондоном и Парижем в качестве сотрудника крупной торговой компании в течение пяти лет, решил начать своё собственное дело художника и дилера. В 1886 году он покинул Голландию и окончательно переселился во Францию. Именно тог-



– Поля Гогена или Ван Гога – назвать один из живописных кратеров Меркурия, вопрос был решен в пользу последнего.

Вернёмся к основной теме нашей заметки – о выцветании светло-жёлтых красок в полотнах Ван Гога. Отрадно,

что первыми на эти тревожные сообщения откликнулись европейские учёные – химики и физики, которые недавно провели ряд целенаправленных экспериментов по выявлению причин «преждевременного старения» бесценных полотен голландского корифея. В последнем номере престижного международного журнала «Analytical Chemistry» («Аналитическая химия») опубликованы предварительные результаты исследований «почерневших фрагментов» некоторых полотен Ван Гога с применением новейших методов и высокоточной научной технологии.

Группа учёных-энтузиастов из всемирно известного французского научного Центра, расположенного в Гренобле, провела тщательное обследование упомянутых фрагментов ряда

Анализ химического состава красок полотна показал, что необычно светло-жёлтый цвет определяется доминирующим участием в палитре «вангоговских» красок смешивания так называемого «жёлтого хрома», т.е. химического элемента «хром-6». Как полагают учёные, суть упомянутой реакции, видимо, лежит в окислении хрома-6 под воздействием солнечных лучей и других неблагоприятных факторов. А это, в свою очередь, означает, что в самой структуре полотна происходит процесс превращения «хром-6» в «хром-3», в котором содержатся такие компоненты, как сера и барий, что ведёт к потускнению картин.

Коэн Джанссенс (Coen Janssens), один из соавторов статьи в упомянутом журнале, заявил, что они продолжат эксперименты в этом направлении: «Мы хотим понять и подготовить практические рекомендации относительно того, в каких именно условиях хранить бесценные полотна Ван Гога, чтобы избежать окисления хрома и уточнить реальные возможности восстановления уже разрушенных сегментов полотен великого художника».

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Исполнительный директор
Марат Акчурин

Дизайнер-художник компьютерной верстки
Асия Каримова

Компьютерный набор
Екатерина Жукова

Учредитель:

Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».

Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
П/И № ФС77-18851 от 10.11.2004.

Издание газеты осуществляется при финансовой поддержке Общественной палаты РФ и Благотворительного фонда «Милосердие»

Адрес редакции:

115184, Москва,
М. Татарский пер., д.8.
Тел./факс.(495)951-16-94,
951-02-38 (по вопросам подписки и распространения).
E-mail: mail@tatworld.ru

Подписано в печать

7.03.2011

Отпечатано в типографии
Р-мастер

Тираж 15 000 экз.

ВНИМАНИЕ – ПОДПИСКА-2011

Нет дня, чтобы в редакции не было звонка с вопросом от читателя – где можно купить вашу газету. Этот же вопрос часто встречается и в редакционной почте. Такая востребованность, конечно, радует нас, значит, газета нужна, читателям интересно то, о чем мы пишем. И в новом году мы продолжим уже полюболюбившиеся читателям рубрики «Судьбы наших современников», «Легенды спорта», «Наше наследие», «Мир искусства», «Страницы истории», «Детская страница», «Актуальное интервью» и другие. Недавно появилась и будет регулярно продолжаться рубрика «Из жизни регионов». Она о том, как живут наши соотечественники на просторах России и за рубежом. Редакция планирует также чаще публиковать

очерки и статьи о выдающихся татарских военачальниках и полководцах, о мастерах театральной сцены, публиковать стихи и рассказы классиков и современных писателей татарской литературы. Появятся новые материалы ученых о богатой истории нашего народа, самые интересные результаты этих исследований станут достоянием и наших читателей. Заслуженным успехом пользуется у читателей рубрика «Тюркское пространство», где мы рассказываем о достижениях близких нам народов.

Словом, редакция газеты «Татарский мир» будет стремиться расширить и донести до каждого читателя глубокий многогранный мир духовного богатства татарского народа.

Мы рады сообщить нашим читателям: во всех отделениях почты России продолжается подписка на газету «Татарский мир».

Наш индекс 39614 в каталоге «Пресса России».

Выписывайте и читайте газету «Татарский мир»!

В этом же каталоге по индексу 39760 читатели могут подписаться на журнал «Восточный свет».

